

АРИСТАРХ БАРВИХИН
**КОРОЛЕВА
МЕГАПОЛИСА**

18+

Аристарх Барвихин
Королева мегаполиса

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Барвихин А.

Королева мегаполиса / А. Барвихин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Роман о самоотверженной любви юной горожанки, личности яркой, незаурядной, значительно отличающейся от окружающих как глубиной и остротой восприятия окружающего мира, так и внешностью. Встретив однажды молодого мужчину Богдана, человека такого же яркого и глубокого, как и она сама, героиня оказывается во власти обоюдного страстного чувства, которое длится весьма короткое время, так как Богдан вынужден исчезнуть не только из города, в котором они оба живут, но и из жизни главной героини. Этот удар повергает ее в депрессию, заставляет тяжело переживать разлуку с любимым, подводя к крайней черте и неудавшейся попытке самоубийства. Героиня романа пытается преодолеть душевный кризис и дает согласие на брак с богатым предпринимателем Вальдемаром, человеком нетривиальным, самобытным и сильным. Однако для читателей до самой последней страницы романа остается неясным – каково же будет окончание этой весьма драматической истории, и какое же решение примет, в конце концов, ее главная героиня.

© Барвихин А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог. Белый лимузин, Эдит Пиаф и я, идиотка	6
Глава 1. Обычный день, пятница, 13-е	11
Глава 2. Начало сказки	22
Глава 3. Между небом и землей	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Аристарх Барвихин

Королева мегаполиса

«Ты знать не можешь, как тебя люблю я...».

Федерико Гарсиа Лорка

Пролог. Белый лимузин, Эдит Пиаф и я, идиотка

Дивная, почти неправдоподобная красота умирающей осени хорошо видна мне в окно лимузина.

Он, мой чудесный, мой ослепительно-белый лимузин, несется как очумелый, а в боковых окнах непрерывным заборным частоколом мелькают одинаковые до тошноты виселицы фонарных столбов. Он, лимузин, почти неслышно летит себе навстречу неумолимому и жрет бензин вместе с последним днем моей опостылевшей жизни в бесконечных обреченных попытках сделать себя хоть чуточку счастливее трупа.

Вот взять бы сейчас, притормозить, подъехать к тротуару и, остановив первого встречного, спросить:

– Вот у меня свадьба через пару часов будет, хотелось бы узнать ради чего все это?

– Почему вы спрашиваете именно меня? – удивится прохожий.

А ты, пока человек будет удивляться, улучишь момент и заглянешь ему в глаза.

Ну и зачем, спрашивается, ты это сделаешь? Для чего тебе это нужно, а? Если увидишь там то же, что внутри у тебя самой – станет ужасно безысходно. А если там все-таки счастье? Ну, тогда будет еще хуже – ведь счастье будет не у тебя...

Слава Богу, что свет солнца приглушают темные тонированные стекла мчащегося к неизбежному финалу лимузина. Я бы наверняка ослепла как сова, которую выволокли на яркий свет из непроглядной ночи, если бы в лимузине стекла были обычные.

Мне ужасно нравится мой лимузин: длинный как сволочь и ослепительно белый как мое парижское свадебное платье фирмы «Матримони», которое мой без двух часов муж заказал специально для меня к этому дню.

Лимузин не из проката, как у большинства других несчастных дур-невест, а мой персональный, только мне одной, счастливице, предназначенный.

Мне одной и навсегда.

Вот он, мой щедрый даритель, сидит напротив меня и оживленно о чем-то говорит. Какой он хороший, умный, предупредительный, красивый, богатый... надо обязательно ему улыбнуться...

Признаюсь – я захотела его, как только впервые увидела: сильное тело, изящная поза, взгляд хороший, умные глаза...

Я даже подумала тогда, что это начало чего-то нового, светлого, чего-то, что перевернуло бы всю мою прежнюю серую жизнь, опрокинув мое представление о ней, как о тупике.

А потом пришло ясное понимание того, что он – и есть тот человек, который мне более всего нужен: сильный, добрый, благородный, бесконечно талантливый. Вдобавок он от всего сердца любит меня. И мне с ним интересно как мало с кем бывало.

Я бесконечно благодарна ему за его терпение. Я не знаю, как ему хватает со мной сил. Моя тоска, мои капризы, моя меланхолия, мой ум и моя глупость... Ну, кто еще кроме него смог бы принять все это и все это полюбить?

Вальдемар, друг мой, ты – самый лучший, самый удивительный мужчина. И я счастлива, что ты сейчас со мной.

– Ты тоже самая удивительная женщина. И я тоже счастлив, что ты сейчас со мной.

Это что, он говорит?

Боже, да я, кажется, только что разговаривала с ним вслух! Впрочем, ничего такого криминального я ведь не сказала. Да и не солгала ни в чем. К тому же, разговаривая с ним мысленно или вслух, я стараюсь вести себя непринужденно и спокойно. Кажется, у меня это получается, к тому же, я думаю, он ни о чем не догадывается...

Спасибо тебе за все, за все, мой прекрасный, мой самый прекрасный кавалер!

Как хорошо, что ты сделал мне предложение и дал время подумать. Потому что, подумав, взяла и сказала девочка-женщина-старуха на сделанное ей тобой предложение одно-единственное необратимое слово «да»...

Сказала без истерик и соплей, а просто и спокойно, приняв благоразумное, твердое и окончательное решение устроить, наконец, свою непутевую жизнь наилучшим из всех, какие она могла только себе представить, способом...

К тому же, если уж мне и отказываться от такого свалившегося на меня невесть за что счастья, то следует быть порядочной до конца, а это значит – надобно вернуть тот самый, великолепный и, наверное, дорогой как сто чертей, бриллиант, который он мне подарил.

Ну, уж нет! До какой же степени надо ненавидеть человека, чтобы вернуть ему обратно такой подарок!

Так что скоро, совсем уже скоро наступит моя капитуляция – сыграют нам с ним свадебный марш, проштампуют, окольцуют... дадим оба клятву «Век воли не видать!», возьмемся за руки и – напрямик к счастливой семейной жизни...

Слушай, и чего это я сама себя терзаю?

Неужто это была я, когда каких-то полчаса назад, выйдя из дома, делала вид, что внимательно его слушаю, а сама пыталась сосчитать количество шагов от двери в подъезд до двери лимузина...

Фу, какая я была глупая...

Но это тогда.

А сейчас я как раз умная, потому что отлично понимаю: чем с любимым в шалаше, лучше «Лексус» в гараже.

Всё, хватит балансировать на тонкой грани между чёрным юмором и тихим умопомешательством. Время передозов тоски закончилось.

Ничего, я буду уже через пару-тройку часов на законном основании жить сыто и счастливо рядом с прекрасным человеком и навсегда забуду то, что было.

Это было временно. Это прошло. Как болезнь, как наваждение, как нарыв... Пусть вместо Большой Любви будут только всплески гормонов. Все-таки это много полезнее для здоровья, чем Большая Любовь, которая кончилась.

И пусть говорят, что брак по расчету – это панихида по любви. Пусть говорят, что когда женщина делает свою мечту о сытой и богатой жизни явью, то оказывается в положении, когда уже не знает, куда от нее деться. Пусть говорят, что женщина, отказавшаяся от любви ради спокойствия, перестает быть интересна даже самой себе.

Можно подумать, что я была интересна сама себе в то время, когда чуть не околела от всего этого... Ведь если всех нормальных барышень купидон поражает золотой стрелой любви, то в меня он, бандит голозадый, засадил прямо из гранатомета.

Да, Богдан, мой когда-то горячо любимый и исчезнувший из моей жизни Богдан, почему ты все еще держишь меня? Ты, Богом данный мне Богдан, для чего ты был мне дарован, почему исчез, зачем не уходишь из изорванной в клочья души моей? Отчего ты не исчезаешь из моего измочаленного и облитого океаном слез сердца окончательно и навсегда? Чего тебе от меня нужно? Моей смерти?

Не хочу я больше помирать из-за твоего отсутствия, слышишь, я жить хочу! Жить вот с этим, прекрасным и щедрым человеком, который тут, рядом, а не с тобой, который остался только в памяти, в мыслях и мечтах.

Хватит, отмечтала я свое, хорош!

Буду жить полноценной жизнью назло всем, назло себе, назло тебе, Богдан, вот уже как три года терзающий меня своим отсутствием.

Жив ли ты или стал небом – прости, я больше так не могу, я уйду, я прощаюсь с тобой навсегда!

Я расстаюсь с Иллюзией и начинаю дружить с Реальностью.

И вот в этой Реальности, которая начнется прямо сейчас, через какие-то неполные два часа, мне никакой Прекрасной, Великой и Единственной Любви с большой буквы «Л» не надо даром.

Увлечения – пожалуйста, секс – сколько угодно, а вот от Любви – увольте.

Не хочу я её.

Не хочу и всё тут!

Никогда больше не позволю поселиться внутри себя ощущению, что в душу вбили большой ржавый гвоздь под названием Любовь.

Никогда!

Потому как Любовь – это всего лишь предательски манящий огонь свечи, к которому устремляется наша доверчивая и жаждущая тепла душа-бабочка, чтобы, в конце концов, смертельно обгореть в ее коварном убийственном пламени.

Пусть не будет больше у меня этого чувства, пусть! Переживу как-нибудь. Зато у меня уже никогда не будет ни попытки самоубийства, ни тоски, ни слез, ничего!

Пускай меня считают кем угодно. Пускай я сама буду считать себя кем угодно.

Зато какого супруга я себе отхватила – у всех сук в округе происходят обмороки при виде нашего поцелуя.

Голубая мечта достигнута – я, слава небесам, изменилась и стала не такой, какой была.

Все закончилось именно так, как и должно было закончиться: миром, спокойствием и обеспеченной жизнью.

Когда-то давным-давно, минут пять тому назад, у меня еще было желание разреваться.

Но потом оно куда-то исчезло.

И хорошо, и прекрасно!

Зачем плакать, когда уже скоро я стану законной женой замечательного человека и мультимиллионера?

К тому же плачущая женщина вызывает не больше жалости, чем гадкий утенок.

Нет, я не забыла, каким гадким утенком была всего лишь несколько месяцев тому назад. А сейчас... любо-дорого посмотреть.

Поэтому плевать! На всё плевать!

Я – слабая женщина, но очень, оказывается, живучая. Вот поэтому, коли уж я выжила после всего, буду играть дальше. Во что? В жизнь, конечно. Назло всем, кто считал меня уродкой, неудачницей или сбежавшей из психушки.

Какова бы ни была моя история, в ней обязательно будет изумительно счастливый конец.

И не надо убеждать меня, что Настоящая Любовь еще придет.

Да не хочу я ее! Слишком дорогую цену придется потом платить, когда она кончится.

В печку её!

К дьяволу!

В таргары!

Да здравствует единственный шанс жить по-человечески! Как хорошо быть любимой, богатой, рядной, ехать в личном лимузине навстречу прекрасному будущему!

Посмотри вокруг, потрогай обшивку салона, принюхайся.

Чувствуешь, как обалденно пахнет кожа?

Классный запах, правда?

Боже, как он мне нравится!

И как мне нравится тот, кто для меня все это устроил и кто сидит сейчас напротив и смотрит на меня влюбленными лучистыми глазами!

Поцелую-ка я его...

А теперь вытру ему след от помады на щеке.

Вот, ничего и нет.

Какая, все-таки, приятная у него улыбка.

Как хорошо, что мы будем теперь всегда вместе.

И как хорошо, что я не влюблена.

Ах, какой, все-таки, приятный запах в салоне!

Никогда не думала, что кожа обивки в авто может так хорошо пахнуть, да еще и быть при этом такой изумительной расцветки.

Сколько сейчас времени, интересно?

Швейцарские, дорогие, наверное, как сто чертей, часы фирмы Auguste Reymond на моей тощей руке показывают ровно двенадцать пополудни. До марша Мендельсона осталось около ста минут – последние мгновения свободы... Глупый Мендельсон, ну зачем ты подарил этот марш своей невесте на свадьбу, ведь свадьба эта ее была не с тобой... вот если бы не подарил – кто знает, может быть, моя жизнь сложилась бы по-другому...

Эти наручные часы мне очень нравятся. Очень. Нет, правда, без дури. И не потому, что их во всем мире всего сто пятьдесят штук. А потому, что на них моя любимая Эдит Пиаф. Необыкновенное, все-таки у нее лицо. И еще – эти ее руки, такие тонкие, нервные, длинные... и двенадцать беленьких точек по кругу вместо цифр. Класс и шик. А фон ведь точно такой, как обшивка лимузина. Вальдемар недавно признался, что искал тогда, в Швейцарии, именно такие часы для меня, дуры, которая должна за это... ну, все что полагается. Я помню, как он перебирал всякие другие, наверняка многие из них были дороже и моднее, но я вдруг увидела эти – и влюбилась в момент. Тогда, сидя за столом, на котором лысый толстый продавец показывал нам часы, принося их одни за другими, меня как молнией в башку – ТРАХ!!! И все, стали они моими...

Господи, отчего же я все-таки никак не могу по-настоящему полюбить его, Вальдемара моего разлюбезного?! Ну, не могу и все, хоть режь!

Скоро, совсем скоро я буду его законной мегерой...

О, Господи, как же мне тоскливо от этого...

Вру, конечно.

Мне не тоскливо, а хоть криком кричи от счастья.

Стерва, очень красивая и очень-очень-очень несчастная стерва.

Это я и есть.

Еще немного и я умру, схохну, сгину.

От этого вот сучьего счастья, что я – с ним, с Вальдемаром моим дорогим...

Слезы наворачиваются на глаза. Не от чего – просто так. Просто слезы.

Он не спрашивает – почему они текут. Наверное, думает, что это от счастья. Ну и пусть себе думает... зачем обижать хорошего человека...

Слезы мешают видеть его, тащат назад, в старую, дурацкую, несчастную и такую счастливую жизнь, что была ТОГДА.

А сейчас ни единой мысли в башке, а только гадкая, тягучая, жуткая боль в сердце.

Мне больно, просто ужасно больно, вот и все.

Смешно быть несчастной от того, что тебя любит и боготворит такой славный, такой добрый, такой красивый, и такой НЕлюбимый... ха-ха... очень смешно...

И глупо, наверное.

Господи, а как все хорошо ТОГДА, миллион лет назад, начиналось: упоение счастьем, ссоры, обиды, поцелуи, уходы, приходы, разрывы, прости, я не могу без тебя, я вернулся... цветы, море цветов каждый день, а потом вечность пустоты и опять и опять – счастье, и снова разрыв... какая это была все-таки классная жизнь!

И зачем все это ТОГДА я променяла на вот это СЕЙЧАС?

Вот на это самое растреклятое СЕЙЧАС, когда я внешне счастлива, а самой хочется лопнуть, лопнуть как радужный мыльный пузырь. И разбрызгаться капельками по шикарному салону лимузина, будь он трижды и четырежды проклят – мой прекрасный, мой белоснежный, мой бесконечно длинный лимузин.

Эх, выскочил бы он сейчас на встречную, и разбилась бы я к чертовой бабушке насмерть...

Веселенькая идея для счастливой новобрачной и королевы мегаполиса, ничего не скажешь...

Впрочем, я давно уже готова к встрече с Творцом. Другое дело, готов ли Творец к такому тяжкому испытанию, как встреча со мной...

Но как все-таки ужасно, как жутко и страшно, что я, стерва, идиотка, сука несчастная, мчусь рядом со своим вот-вот мужем и от этого НЕсчастлива до умопомрачения.

Но он, конечно же, ничего этакого во мне не замечает, потому что я нарочно улыбаюсь блаженной улыбкой дуры в подвенечном платье.

А, может, и не нарочно...

Ему-то какое дело!

Господи, и что он, такой совершенный и прекрасный принц, нашел во мне? Нет, правда, без дураков, этот вопрос мучает меня до сих пор. Но ведь нашел же он что-то во мне, в такой вот, какая я есть, и ведь любит же... я же не совсем без мозгов, я же вижу, что любит...

Господи, зачем ты устроил все так, что я и он встретились?! Сидела бы сейчас где-нибудь в пыльном углу, выла бы от тоски и неискоренимых иголок памяти по Богдану, будь он трижды, четырежды, миллион раз проклят! А заодно предавалась бы всем возможным в этом мире способам самовозбуждения... от ЭТИХ и до ТЕХ...

Как бы хорошо мне тогда жилось, несчастной и никому не нужной!

Так нет же – свалилось на меня вот это проклятущее замужество, с которым я ничего уже не могу поделаться...

А в башку, пустую глупую мою башку под шляпкой от парижского моднящего кутюрье, все лезут и лезут как черви из гниющего трупа, новые стихи... Господи, они опять лезут, и нет с ними никакого сладу...

Не знаю – погублю или спасу...

В последний раз по времени и сути

Слова любви к тебе произнесу

Устами толп затертые до жути...

Нет, правда, какая я все-таки дура... потому как сочиняю стихи, адресованные тому, кто давным-давно исчез, а не тому, кто – рядом...

Но я же никому в этом не признаюсь.

Может, попросить у шофера цианистого калия... Да у него и нет, наверное... А вдруг есть? А, может, у Вальдемара есть? Интересно, а что будет, если я спрошу у своего почти уже законного супруга: «Дорогой мой, лапочка моя, милый мой и разьединственный, у тебя, случайно, цианистого калия для меня не найдется? Немножко, совсем чуть-чуть, а?»

Правда, прикольно?

Стрелки у Эдит Пиаф переползли половину первого... Господи, Господи, Господи, Господи-и-и-и-и-и... Через семьдесят семь минут я стану его женой...

Глава 1. Обычный день, пятница, 13-е

Да-да, это был самый обычный день, пятница, 13-е... Я его помню очень хорошо, словно он был только вчера.

Следует сразу отметить, что знаменательный день этот действительно не задался с самого утра: зазвонил будильник, зазвонил как бешеный и как всегда не вовремя. Ненавижу, когда он так делает. Красавец в моем сне как раз перешел к самому волнующему и интересному. А меня лишили этого! И он остался в одиночестве заниматься тем, что причиталось и мне тоже.

От злости на наглое поведение этого скопища металлических железяк я схватила все еще звенящего наглеца и что есть силы швырнула его об стенку – и тут же по полу рассыпалось битое стекло и внутренности несчастного создания человеческой мысли. Какая-то гнутая маленькая железочка жалостно подкатилась ко мне, дура, звякая по дороге и прося, по-видимому, прощения...

Прости меня, будильник, прости, за этот идиотский поступок, меня действительно переключило. Ты был не виноват, совсем не виноват в том, что этот день начался так по-дурацки...

Впрочем, не начнись этот день, то не было бы и этой истории, которую я как стриптизерка, выставляю сейчас всем на показ.

Пусть мое повествование идет как идет, переходя от СЕЙЧАС к ТОГДА, и от ТОГДА к СЕЙЧАС. Потому что никакого времени для меня, описывающей эти события, нет и быть не может, потому что оно, время – неуловимо, а уловимы только эти мои мимолетные ощущения его, которые я и пытаюсь ухватить и выразить буквами и словами.

Так что прошу меня простить великодушно за некую непоследовательность всех этих «я чувствую», «я чувствовала» и прочего в том же духе. Главное, что история эта моя БЫЛА, ЕСТЬ и, надеюсь, БУДЕТ и дальше.

В то утро, если не считать этой дурацкой истории с будильником, ничего поначалу не предвещало ровно никакой беды.

Утро было как утро. Началось оно как и всегда начиналось: со вздохов, стонов, зеваний, сопений, потягиваний и похода в ванную.

Правда, разбив будильник и тут же пожалев его, несчастного и ни в чем не повинного, я сначала слегка насторожилась, направляя кости своего все еще не проснувшегося организма умываться. Однако как только поравнялась с зеркалом в ванной, сразу же забыла про эту свою настороженность.

Зеркало сонно улыбнулось и порадовало привычным видом меня «а ля натюрель».

Теплый душ, потом как всегда кофе-кофе-кофе. Удивительно, но крепкий натуральный кофе и таблетка импортного аспирина могут буквально сотворить со мной чудо. Даже если до этого я была похожа на квелую редьку и рассыпающийся пазл.

С горячей кружкой в руках, кутаясь в махровый халат, я подошла к окну и стала смотреть на все это сплетение тротуаров, дорог и газонов внизу, на мельтешение машин, на людей, похожих с моего шестнадцатого этажа на муравьев.

Признаюсь: люблю по утрам пить кофе и смотреть на город свысока.

В то памятное утро небо сулило теплый и не по-осеннему ясный день, в самый раз для похода по магазинам. Какое все-таки это небо чистое и далекое. Жалко, что люди не летают. Может быть, в процессе эволюции и у нас появятся крылья? За этими философскими размышлениями меня и застал мой желудок, требовательно и уныло настоявший на том, чтобы я уделила ему хоть капелючку внимания. Пришлось скормить бездонной пропасти внутри меня какую-то гадость, купленную в соседнем магазине.

Потом вдруг ни к селу ни к городу вспомнилась недавно виденная на заборе неподалеку надпись: «Fuck this world before this world has fucked you!». Я тогда не выдержала, вытаскала маркер и написала рядом, предварительно воровато оглядевшись вокруг: «Расия только для русских!». Довольная этим приколом я удалилась. Но потом все-таки не выдержала, вернулась и добавила большими буквами: «SAVE THE PLANET – KILL YOURSELF!».

Ах, мечты, мечты... Вон ветер воет в трубах, дождь ломит кости, и старый плед никак не может спасти от холода в душе... может взять и плюнуть на все эти бессмысленные разговоры о том, что должна женщина и что не обязан мужчина?.. Сколько слов про нее, про эту самую Любовь, слышно отовсюду... спала царица, спала, а царевич прискакал, поцеловал – она и проснулась. Увы, на деле все частенько случается совсем не так... в реальной, а не придуманной жизни обычно бывает несколько мгновений наслаждения, а потом снова нескончаемая, беспросветная тоска... и так до бесконечности... вот опять к горлу предательски подкатывает ком... потому что мое будущее ясно мне представилось, отчего стало тоскливо до одури – холодильник, телевизор, стиральная машина, ворох неглаженного белья, вечно плачущие детишки, жисть прожить не поле перейти, пойдем, что ли, перепихнемся, бутылку захвати, дура...

Нет, это очень хорошо, конечно, когда женщина варит, стирает, рождает детишек, вяло переругивается с мужем, постепенно старясь и увядая. Плохо, когда женщина имеет хоть какие-то мозги, которыми думает. Думает не о тряпках и обуви, а о смысле нашего раскрепостленного бытия. По себе знаю, как это плохо и вредно для здоровья. Как ужасно быть романтической. Потому что романтики вечно грустят. Летом грустят о зиме, зимой – о лете, утром – о вечере, вечером о прошедшем утре, сегодня – о вчерашнем дне... Когда уж тут заниматься делом? Жаль, что я сама как раз и есть из них, из этих вот романтиков... Не от того ли я и вела всегда дневник? Хотя, если подумать хорошенько, то дневники ведут только некрасивые девушки, у красивых на это просто нет времени. Но я-то ведь вела, хотя я и красивая, очень даже красивая, честное слово, ко мне только привыкнуть надо... ха-ха...

Выходит, не зря я свою жизнь проживаю, есть что рассказать в назидание другим, у которых наличествуют какие-то проблемы. Особенно тем рассказать, которые не так чтобы очень хороши внешне и очень хороши душой. Увы, следует признать, что душа без красивых ног сильно проигрывает красивым ногам без души. Впрочем, если ноги не ахти, то это не большая беда, ведь в этом случае люди начинают смотреть на твое лицо. Да, а если и лицо не ахти, то как быть тогда? Как быть обычным барышням, которые считают, что все хорошее и мало-мальски путное происходит без них, что они – злая шутка неизвестных им вуду...

Кто расскажет про них, про их одинокие утра... про холодные вечера... про не просыхающую от слез подушку... про каждое произнесенное «люблю», «доброе утро» и «спокойной ночи», которое слышат только та же мокрая подушка, да еще стены, но только не тот, которого они вечно и напрасно ждут...

Кто расскажет про тех, кто кричит по ночам:

– Поговорите со мной, я просто хочу, чтобы хоть кто-нибудь со мной поговорил, чтобы понял, наконец, меня, понял и принял такой, какая я есть!

И кого вместо ответа заживо шинкуют на старой разделочной доске... Кому слишком часто бывает так хреново, словно пришлось съесть в один присест десять прокисших глазированных сырков...

Поэтому не надо таить свой опыт в себе, не надо быть слишком застенчивой, ибо застенчивого человека везде затолкают – и в транспорте, и в Царствии Небесном. Вот почему я, в конце концов, решила побороть эту свою застенчивость и чрезмерную чувствительность, дабы помочь другим таким же несчастным, какой была когда-то я. Ведь застенчивый и чувствительный человек, в особенности женщина – безоружное существо перед лицом безжалостного мира, в котором плохой человек всегда найдет хорошего человека, чтобы сделать ему бо-бо.

Так что я предупреждаю всех заранее: история моя предназначена в основном для тех, у кого есть душа, особенно ранимая, поэтому счастливых обладателей шестисотого Пентиума, малинового монитора и мыши с толстой золотой цепью и растопыренными лапами просьба воздержаться от чтения всего этого и поскорее заняться очередным шопингом.

Этой ночью мне приснился поистине странный сон.

Поначалу в нем была совершенно темная Темнота. А в ней, в самой дальней дали – маленькое, едва различимое беловатое пятно. Я шла к нему во сне и вдруг увидела, что пятно это оказывается сжавшимся в комок телом человека. И тут я отчетливо поняла, что человек этот – я... Едва до меня это дошло, как та я, что была передо мной, приподнялась, встала сначала на корточки, затем на колени. Еще одно усилие – и вот эта вторая я уже оказалась на ногах...

С каждым движением этого моего второго «я» мрак уменьшался, рассеивался, но до яркого света было еще далеко. Оказалось, что обе мы находимся внутри какого-то помещения без окон и дверей.

Едва встав на ноги, вторая «я» начала метаться по этому странному помещению, отчаянно ища выход. Бросалась к одной стене, к другой, к третьей. Но, увы! Повсюду были только стены, стены, стены...

И тут до моего уха донеслись какие-то странные насмешливые голоса, становясь все громче и громче...

Я в страхе замерла и спросила дрожащим голосом:

– Здесь кто-то есть?

– Есть, есть, есть... – раздалось мне в ответ со всех сторон.

– Кто это, кто?! – закричала я в ужасе.

– А ты посмотри перед собой...

Тут мое второе «я» исчезло, а я, которая настоящая, прямо напротив своего лица увидела еще одно лицо – искаженное, обезображенное гримасой. Это было мое собственное отражение в кривом зеркале. Оказывается, что стены вокруг меня – это кривые зеркала.

– Ты кто? – отшатнулась я от стены-зеркала.

Но в ответ мне только был смех.

Я отвернулась и снова увидела в противоположной стене-зеркале свое новое искривленное изображение, но искривленное уже по-другому.

– Кто ты!? – в ужасе воскликнула я, отпрянув назад.

– Ты! – услышала я голос. И отовсюду стали кричать новые голоса:

– Ты! Ты! Ты!

От страха я упала на пол, свернулась калачиком, в отчаянии жала уши руками, пытаюсь хоть как-то заглушить нестерпимые голоса со всех сторон.

И, наконец, голоса стихли.

Я с опаской поднялась. Едва я встала на ноги, как вдруг откуда-то сверху ко мне протянулся тоненький луч света.

– Ты кто? – удивленно спросила я у него.

– Я твой путь к спасению, – ответил тот.

Но тут появился луч с другой стороны.

– Я тоже твой путь, – проговорил он.

И вдруг стали появляться все новые и новые лучи. Они вспыхивали со всех сторон, причем каждый из них кричал мне:

– Я твой путь! Я твой путь! Я твой путь!

– Так где же мой путь!? – воскликнула в полном замешательстве.

Лучи начали хаотично двигаться во все стороны, словно в феерической пляске и вдруг внезапно погасли. Наступила тьма, в самой глубине которой остался лишь маленький огонек. Я

пошла к нему навстречу, а когда подошла поближе, то оказалось, что это огонек свечи, которая горит в руках у меня самой, стоящей по ту сторону единственного вокруг прямого зеркала.

– Ты и есть мой путь? – поинтересовалась я у своего отражения.

– Да, – кивнуло оно мне в ответ. – Твой путь – это и есть ты. И ты сама должна его обрести и пройти до конца.

– Но как мне найти его, этот мой путь? – спросила я в растерянности.

Отражение мягко улыбнулось мне, повернулось и пошло безмолвно от меня прочь.

– Так где этот чертов путь, где?! – закричала я ему вслед.

Но там, в зазеркалье, мое отражение так ничего и не ответило мне и стало уходить все дальше и дальше, унося свечу с собой и оставляя меня в непроглядной тьме.

Я проснулась в ужасе и поту, не понимая где я и что со мной, где в этом мире верх, низ и вообще где тут что.

Вот скажите мне, что станет делать человек, если его поместить в комнату со смещенной перспективой и попросить найти верх и низ? Думаю, большинство будет тщательно обследовать каждую линию рельефа. И мало кто решит, что вертикаль, помогающая ему всегда знать, где верх, а где низ – вертикаль эта и есть он сам или она сама. А для этого человеку просто нужно встать. Встать – вот и все. И сразу будет понятно – где что. Но чтобы подняться, чтобы встать и не упасть – для этого у человека внутри должен быть свой собственный несгибаемый и неуничтожимый стержень – ощущение того, что он, этот отдельный от всего мира человек и есть его сосредоточие и ось. По крайней мере, мне так хочется думать. Правда я все еще не стала для себя этой осью, но быть может, когда-нибудь потом, в задушевных разговорах тихим голосом на кухне, ночью, мы, Я и ОН, сольемся наконец-таки в единую, выстраданную плоть и ось наших истосковавшихся друг по другу душ, чтобы вспомнить со смехом и грустью о том, с чего это все началось... Думаю, что так оно и будет... А пока... пока есть я и вот это небо надо мной.

О небо! К тебе, к тебе я взываю со дна своей бездны. Неужели моя единственная доля – плутова в лабиринтах бесконечного отчаяния ощупывать в непроглядной тьме нестерпимо одинокого существования слепыми пальцами изверившейся души последнюю стену перед пропастью? Неужели так и останусь я трусливо стоять на расстоянии всего лишь шага от главного источника всех блаженств? Эх, открыть бы окно, встать на подоконник и прыгнуть прямо из окна на асфальт... А что? Промелькнет этаж... еще... и еще... и еще... и еще... Асфальт примет меня такой, какая я есть... Оставлю ненадолго красный след на его черной поверхности... Зато будет так, как поет Винни-пух в мультфильме – «конец моим страданиям и разочарованиям...»

Что ж, опустятся, словно театральные занавесы, мои веки, слипнутся в последний раз ресницы, а тело станет не нужно ни мне, ни кому-то еще, ведь из него уже вылетит душа, став, наконец, обратно небом... а потом среди старых могил появится еще одна, свежая с новеньким крестом, раскинувшим пару деревянных рук в разные стороны...

А ведь только вчера был такой шанс, а я его, дуреха, упустила.

Стояла я на краю платформы и ждала электричку.

А неподалеку стоял полицейский с кобурой на поясе.

Эх, был бы у меня тоже пистолет – подумалось мне...

Но, увы, я не полицейский и пистолета у меня нет как нет.

Так, выходит, что застрелиться мне не удастся.

Гибель в автокатастрофе тоже отпадает – такой способ требует автомобиля, которого у меня в личном пользовании тоже нет... Можно, конечно, купить, чтобы на нем – в пропасть... но денег для этого у меня слишком мало.

Хотя можно самой под автомобиль броситься... но кто даст гарантию, что меня собьют насмерть...

Да и шофера-бедолагу жалко – вдруг у него семья, детишки голодные останутся... Папа, папа, где наш папа? А папа в тюрьме, он одну придурочную сбил, что не могла под другую машину броситься, сволочь. А мне в аду за это – еще угольков под чан с кипятком, еще угольков...

Нет, автомобиль пока отпадает.

Так, какие еще есть варианты?

Под электричку пригородную или скорый поезд.

Но это тоже не даст стопроцентной гарантии.

Да и там машинисты всякие. Семейные и вообще...

Еще что?

Бытовой несчастный случай.

Например, дома в окошко прыгнуть. Можно и просто в парадном окне открыть и кувыркнуться.

А вдруг упадешь на прохожего? На какого-нибудь честного трудягу или на ребетенка. Но я никого убивать не хочу. Себя разве что, но это совсем другое дело. А так, чтоб другого кого – нет, это ведь грех.

Так, можно умереть на пожаре, ждать подходящего пожара, а потом туда бегом и в огонь? Да, дождешься тут пожара. Как назло ни одного пожара кругом. А самой поджигать неприлично – вдруг да спалишь кого?

Есть еще утечка газа. Это уже более подходящий сценарий. А если все-таки спасут?

Хорошо бы погибнуть при случайной перестрелке на улице, мало ли сейчас происходит криминальных разборок! Но для всего этого требуется точно знать, где у них там стрелка забита, а еще, чтобы она пальбой закончилась. Тут еще попробуй к ним в этот момент подойди поближе – взащей вытолкают, не станут на меня зря патроны тратить.

А если мне какого-нибудь бандюгана-братана обматерить как следует?

Хотя и в этом случае, скорее всего, будет пинок под мой плоский зад или пара ударов кулаком в морду лица.

Так что не вариант, ох, не вариант.

Тогда сто таблеток от поноса и – готово дело.

Если все-таки повезет умереть, то будет лучше, если меня сожгут в печке крематория. Стану пеплом, его развеют где-нибудь. Осяду на землю, всосусь, растворюсь, впитаюсь в корешки какие-нибудь, а потом стану травинкой, цветком или деревом. Придет время, и развеюсь я по миру семенами или пылью. И снова прорасту и снова развеюсь. И не будет мне больше Смерть начальницей и властительницей, увернусь я от нее, буду жить вечно и никогда больше не умру. Это куда лучше, чем лежать в гробу и ждать когда же тебя слопают, переварят и выделят червячки. Признаюсь, неромантично это как-то.

Стою, думаю обо всем этом и вдруг слышу:

– Девушка, не надо.

Я не врубилась поначалу кто это и о чем, поскольку была полностью погружена в себя, но потом все-таки инстинктивно посмотрела в сторону говорящего. Это был высокий симпатный парень, нет, скорее даже не парень, а молодой мужик. Стоит рядом на платформе и так внимательно на меня смотрит, что я даже смутилась.

– Чего не надо? – промямлила я.

– Сама знаешь чего.

– И ты тоже знаешь? – попыталась огрызнуться я, но как-то все это неубедительно у меня получилось.

– Не прыгай под поезд, это глупо.

– Глупо – НЕ прыгнуть, – возразила я.

– Тогда лучше уж с моста в реку.

– Или из окна на асфальт.

– Нет, это тоже глупо.

– Почему? – искренне удивилась я.

– Потому что так можно упасть на кого-нибудь и зашибить. Зачем тащить за собой остальных?

– Тогда почему глупо прыгнуть сюда? – спросила я и показала рукой на отполированные до блеска лезвия рельсов, терпеливо поджидающие меня внизу.

– Испортишь настроение машинисту, его начнут пытать насчет того, мог ли он успеть затормозить, то, се... и вообще, пришлось бы останавливать движение, доставать из-под вагона твое уродское месиво. Не вмешивай в это дело других, разберись с собой культурно, без драм.

– Это как?

– Не знаю, как-нибудь по-другому. И вообще...

– Что вообще?

– А ты не боишься, что и ТАМ тоже окажешься лишней и никому не нужной... Вот будет номер!

Этим он меня застопорил: никаких ответов на этот вопрос у меня не было. Поэтому я ничего умнее не придумала, как нагрубить этому парню-мужику. Говорю ему:

– Затрахал ты меня энвироментальной энтропией.

Это мое коронное средство отвязаться от человека. Запомнила вычитанную где-то фразу и щеголяю ей в такие вот неловкие моменты, когда надо от человека вежливо отделаться.

А мужик глянул на меня удивленно и говорит:

– Как все научились красиво изъясняться! Нет бы сказать «пошел ты, придурок» или на худой конец «я хочу повысить степень сопротивляемости индивида разрушительному воздействию окружающей среды», так нет же «энвироментальная энтропия», мать твою! Умные шибко все стали, зато огрызки под ноги кидают, да вон бутылки да банки пивные везде валяются. Презентация, бьеннале, экзистенциализм, эгрегор. Трусы чаще меняй, дура шибко умная, Нефертитька!

Мужик в сердцах сплюнул, а тут как раз подъехал поезд, распахнул двери, выпустил-впустил народ, потом гильотина дверей захлопнулась, отсекала мирок вагона от станции, и поезд укатил, увозя в своем брюхе и этого мужика. А я осталась на платформе переваривать его слова.

Господи, парень, мужик, человек! Ну, зачем ты меня тут бросил со всем этим?! Ну, нагрубила по глупости, так что? Взял бы и простил. А то перебил охоту прыгать на рельсы и смылся. Хорош гусь! А как же я? Что мне-то делать теперь?

Нет, одиночество так не лечится. А оно вообще-то хоть как-то лечится?

Одиночество. Оно преследует меня и преследует. А вас? У вас оно тоже засело где-то внутри, тоже так зацепилось, что никак его не отдерешь? Вот зараза! Что ему, со мной и с вами – уютно и тепло? Хорошо ему с нами, да? Как нам избавиться от него, одиночества этого проклятущего, что каждый день неутомимо кидает очередную монетку в нашу с вами копилочку печали? Вот-вот и она переполнится...

Скажите, а у вас тоже бывает ужасная тоска по ночам?! А, может, это только у меня одной так, потому что всему виной мои вывихнутые мозги?

Душа что-то болит. Впрочем, это даже хорошо – значит, я еще живая, я еще не продала душу... потому как жду повышения курса... ха-ха... а все этот очередной пустой день виноват, что прошел в обнимку с депрессняком, да еще слезинки, что лезут из глаз, сколько их не вытирай...

Сам Всевышний смотрит на меня в такие вот минуты самотерзаний и спрашивает: «Как же ты можешь так жить-то, а?» А мне и ответить ему нечего...

Ведь однажды я уже кричала в бездонное небо:

– Че делать-то мне, Господи?!

Вы думаете, небо промолчало?

Не тут-то было.

Оно вздохнуло и произнесло уставшим голосом:

– Знаешь, достала ты меня своими воплями по самое не хочу. Возьми и сделай, наконец, хоть что-нибудь!

И я послушалась – взяла и написала вот эту вот историю, начав свое повествование в тот злополучный день, в пятницу, 13 числа... Почему злополучный? Да потому что... Ведь тТяжко выплескивать наболевшее, ох как тяжко...

Эх, поменять бы это мое внутреннее богатство на смазливую мордашу, розовую кожу и 90х60х90. Поменять сразу, без торгов и навсегда. Почему поменять? Да потому что на меня стоит взглянуть хотя бы раз – и сразу поймешь причину всех моих бед. Так и живу-мучаюсь таким пустым местом для всех, самой незаметной особью женского пола для пола мужского.

А все из-за того, что волосенки на голове у меня жиденькие и тонкие, глазки маленькие в окружении безволосых ресниц, носик острый, ротик – как задница у крокодила... Ни верхнего бюста заметного нет, ни нижнего... Колченогая какая-то, зато – трико в облипочку... Глаза мои бы не смотрели на эту красотку... Да приходится иногда, когда в зеркале ее вижу, потому как эта красотка – я...

Стояла тут недавно у зеркала, позвала свое собственное отражение в нем по имени, перевернув его наоборот, как и положено в Зазеркалье:

– !абюЛ...

– !аД... – тут же отозвалось зеркало.

Или мне это только показалось?..

«И вправду ад... – подумалось мне, а потом еще: – А как еще сделать, чтобы все было по-другому? Можно, конечно, зажмуриться и представить себе, что всё совсем не так... И тогда напротив в зеркале будет прекрасная как наяда девушка. Что если попробовать, а?»

Я улыбаюсь – и она улыбнется мне в ответ.

Я поправляю упавшую прядку – и ее рука потянется к волосам.

На девушке будет легкое, цвета кофе с молоком, тонкое просвечивающее одеяние, шнуровка от сандалет будет извиваться золотой змейкой вокруг стройной розовой ножки и дополнет до нежного колена...

Я протягиваю к ней руку – и наши ладошки встречаются.

Я тянусь, к ней, чтобы поцеловать ее в щечку, но губы упираются во что-то твердое и холодное.

Приходится открывать глаза, чтобы узнать причину этого досадного недоразумения.

Проклятье! Опять эта уродка из зеркала на меня пялится! Когда-нибудь я обязательно разобью это чертово зеркало вдребезги! Ну, что, что оно мне показывает! Какую-то нелепую особу в виде циркуля. Стоит передо мной голая, некрасивая, угловатая с выпирающими отовсюду костями дочь Бабы-Яги, жалкие детские груди-крохотульки грустно смотрят сосочками и медленно ходят чуть вверх и чуть вниз в такт моему дыханию. В общем и целом какой-то Освенцим, а не барышня. Ничего-то ей не идет, все висит как на вешалке. Господи, хоть бы чуточку потолстеть, что ли. Глядеть на нее сил нет, а коли глянешь – так одни нецензурные эпитеты в башку лезут, а рука сама собой к топору тянется, чтобы одним махом перерубить эту уродку пополам, дабы не мучилась.

Правда, в глазах у нее пронзительная боль, но кому до этого дело...

Как же ты безжалостен, как беспристрастен – мой оценщик-зеркало... об этом знаю только я, быстро стареющая нимфетка, которой скоро-скоро стукнет... да какая разница сколько... уже не девочка, хотя еще и не старуха...

Всем понятно, что от таких как, я народ на улице ржет нервным смехом, детки плачут, у беременных начинаются преждевременные схватки, собаки тоскливо воют и разбегаются, поджав хвосты и испуганно оглядываясь.

Хотя с другой стороны во всем этом есть своя положительная сторона – ко мне никто и никогда из мужских особей всех возрастов не пристаёт. Ко мне пристаёт только загар... ха-ха...

Наверное, все ждут от меня тут убийственных огненных стрел в адрес мужчин, потому я им по фигу. Что ж, многие на моем месте так бы и сделали, мстя всем мальчишкам, юношам, мужчинам и старичкам за полное их к себе невнимание. Однако лично я вовсе не считаю, что все мужики – скоты, потому что в таком случае придется признать, что мы, барышни, леди и бабы все как одна – зоофилки. Но у меня как раз нормальна половая ориентация. Так что с ненавистью к мужчинам у меня не ахти.

Знает ли кто, до чего может довести человека переживание по поводу собственной невзрачной внешности, переживание, начавшееся еще в ранней юности? Правильно – к полной потери всяческих иллюзий по поводу своего шанса быть счастливой. Потому как самое надежное лекарство от иллюзий – взгляд в зеркало, которое все также успешно отражает все твои попытки казаться красивой.

Что ж, мир такой, какой есть.

No exit.

No future.

Есть только here and now.

И вообще – я чувствую себя в этом мире такой ненужной, как стриптизерка на нудистском пляже.

Отчего это? Только ли оттого, что я такая уродина? А, может, и оттого еще, что настолько дерганная какая-то, что иногда мне кажется, что все без исключения клетки моего организма – нервные.

Так что в квартире у меня бардак, в башке бардак, кругом один сплошной бардак. А, может, это все как-то связано воедино и друг за друга цепляется? Но если так, то кто подскажет, с чего начать разборку завалов, что первично, а что вторично?

А в анкете снова прочерк:

Нет, не знаю, нет, не брали.

У меня поганый почерк -

Черти чтоб не разобрали...

Такое вот балансирование на тонкой грани между чёрным юмором и тихим умопомешательством. Все-таки есть, определенно есть что-то в моей психике, что не даёт мне жить нормальной людской жизнью, но одновременно не даёт порваться натянутой до предела струне внутри меня.

Взять моих родителей. Зачем они жили вместе? Какая им от этого была радость? Что, ребеночка захотелось, да? Захотелось завести себе вот это особое ручное домашнее животное, чтобы было кого дрессировать? Ну, вот и выродили меня, счастивицу, взрастили, ну и кому теперь от этого прок? Зачем вам это было нужно, а? Мне лично это не нужно нафиг! Вот почему я никаких детей рожать не буду. Зачем, чтобы они тоже мучились, как и я сейчас, и проклинали маму-папу, что они не стерилизовались в пятилетнем возрасте? Поэтому я уж точно постараюсь избежать причин, по которым появляются дети. А именно:

1. А что я, хуже других, что ли?

2. Организма ужас как этого хочет.

3. Удержать любимого и ненаглядного любой ценой.

4. Залет как самая частая причина продолжения счастливого человеческого рода.

Так, что еще?

Ах, да...

5. Чтобы было кому стакан подать в старости.

Да не будут они нам этот стакан подавать, потому как на хрен мы им не будем в старости нужны.

Впрочем, всего этого мне будет легко избежать, потому как всех мужиков тошнит при одном взгляде на меня, красавицу. Потому и нет у меня перспективы плодить несчастных.

В общем, если по правде сказать – занудливая я стала какая-то в последнее время. Мне кажется, что занудство надо вообще записать как восьмой смертный грех. По крайней мере, мне этот грех точно свойственен. Как и жажда любви. Парадокс? Да несколько! Да, мне нужна любовь, признаюсь, но только настоящая, а не просто «хотелка»! Я тут как-то взяла и, набравшись терпения, прочитала эту нудную Кама-Сутру... прочитала внимательно от начала до конца... и вот что скажу: ничего в ней интересного для меня нет, так, скучное и сухое описание влажного процесса, вот и все.

Господи, как охота найти кого-нибудь стоящего.

И в объятиях задушить.

В общем, мне бы хотелось, чтобы не только хотелось, но еще и было с кем...

Недавно был у меня один случай. Еду себе в тамбуре переполненной электрички. Напротив меня стоит парень, достаточно симпатичный, и что интереснее всего – в глазах мысли видны. Стоит и смотрит на меня. Не брезгливо или там с презрением, а просто по-человечески.

«Интересно – думаю я, – а чего он на меня смотрит?»

В общем, едем мы и друг дружку от нечего делать изучаем.

А парень мне все больше и больше нравится. И даже стало мне казаться, что он мною заинтересовался. Смотрю на него и думаю, что много бы дала за то, чтобы понять, о чем он сейчас размышляет.

А он, наверное, думал о том, что не плохо бы узнать – что я думаю.

И так мне захотелось, чтобы он был МОИМ парнем и чтобы согрел, что ли... прижал к груди и все такое...

Но он не делал никаких поползновений на этот счет. Боялся, наверное, что я его оттолкну.

А мне еще больше захотелось быть рядом с ним, почувствовать его тепло, чтобы я была ТОЛЬКО ЕГО! Жуть как захотелось!

Но он наверняка этого не знал. А если и знал, то, видать, стеснялся сделать первый шаг.

И я тоже.

Может, он боялся, что я стерва какая-нибудь?

И мне стало обидно, что он так мог обо мне подумать.

Поэтому я ему улыбнулась.

И он мне тоже!

Вот это был номер!

Выходит, что мы одновременно думали друг о друге.

Но я как-то не решались законтачить, хотя и стояли мы с ним совсем рядом, почти вплотную.

Эх, вот бы он заговорил со мной. А я бы ему что-нибудь остроумное ответила. И не отшила бы. Нет, точно бы не отшила, он ведь не походил на придурка, а, значит, и не заговорил бы со мной как придурок.

Вот взять бы и самой с ним заговорить! Или просто дотронуться до его руки... вроде как случайно...

А потом бы мы с ним познакомились, всё такое и этакое, он бы сказал мне: «Слушай, не уходи...» А я бы ему: «Не уйду, если ты захочешь...». А потом уже, когда-нибудь он бы

Черт! Верхние соседи, как назло принялись заниматься любовью, ритмично стуча своей кроватью по моему потолку...

Нет... думать ни о чем путном совершенно невозможно из-за проклятого ритмичного стука по потолку... эта кровать наверху меня уже просто задолбала...

Впрочем, стук по потолку – всего лишь невежливое напоминание мне, что пора заканчивать этот душевный эксгибиционизм. Да и должна же я хоть что-то оставить недосказанным.

Пора, пора! Рога трубят. И вальсы дивные играют. Впрочем, зачем нам Моцарт, если есть балалайка?

Так, соседи сверху завершили, наконец, свое каждодневное катание по постели с акробатическими упражнениями, поэтому я могу приступить к описанию всего того, что последовало в этот день, когда я все-таки вылезла в город и отправилась вон из него на лоно природы, потому как только там, где нет людей, мне хоть как-то сносно живется.

Итак, начну-ка я потихоньку, полегоньку свой весело-грустный рассказ о том, что вот, жила-была на свете одна городская жаба по внешнему виду и царевна по внутреннему содержанию. Это не удивительно, ведь в каждой жабе содержится обещание: если её как следует поцеловать, то она – раз и станет царевной.

Точно, вот с этого самого места я и начну свою повесть про миллион слезинок, сто тысяч ранок и семь с четвертью тонн тоски вкупе с маленьким золотым самородком счастья, который так и не смог затеряться и исчезнуть навсегда под толщей болотного ила и снова волшебным образом блеснул мне в самом конце моей странной повести...

В этом моем рассказе все чистая правда, а если вру – то типун мне на язык и контрольный выстрел в глупую голову.

Вы еще здесь? Вы еще в силах читать эти бредни из параллельных миров? Ну что ж. Я рада, что вы не смылись. Буду надеяться, что вы дотерпите и ознакомитесь с моей забавной историей до конца.

Поэтому, если вы еще здесь, то я нахально воспользуюсь вашим присутствием и перейду, наконец, к самой главной в моей жизни встрече.

Глава 2. Начало сказки

Так, как там все сказочные истории начинаются... Жили-были, да жила-была? Что ж, начну я и также.

Итак, жила-была на свете я. Самая обыкновенная. Нет, конечно, не обыкновенная, а необыкновенно страшенькая.

Нет, надо бы начать по-другому. Прозаично как-то, ведь у нас тут вроде бы идет речь о сказке, пусть и для взрослых.

Так что начну я лучше по-другому.

Жила-была на свете одна сказочная красавица, настоящая королева мегаполиса.

Да, вот так, именно так я эту свою историю и начну...

Итак, жила-была на свете одна сказочная красавица, королева мегаполиса. Такая уж у них, сказочных красавиц, доля – жить да быть. А проходило ее житьё-бытьё в горнице на самом верху самой высокой башни во всей округе. На шестнадцатом этаже, если точнее. Под самой крышей, зато с балконом.

Была эта сказочная красавица беловолосой (а если точнее – белобрысой), невысокой и худощавой. Первое ей было по барабану, второе – тоже не очень смущало, зато вот третье – мучило, потому как на самом деле худощавость эта была просто ужасной, то есть тощая она была как неизвестно что. Да, в жизни так часто бывает: что легко можно изменить – например, при помощи краски для волос, – менять не хочется, а то, что страстно желаешь – не получается. Впрочем, наша героиня была умненькая, а потому не только смирилась с этой несправедливостью, но даже заметила, что на самом деле все не так уж и плохо. К примеру, ткани на платья ей шло меньше, чем некоторым подругам, отличавшимся высоким ростом, плотным телосложением и, в довершение ко всему, ступнями 45 размера.

Так бы все и шло у нее, но однажды героиня нашей сказки проснулась и вдруг отчетливо поняла, что выросла. И только мягкие пупсики у ее подушки напоминал ей те совсем недалекие еще времена, когда помадки были вкуснее, а жизнь проще.

Итак, это был день как день, самый что ни на есть обыкновенный. Все шло своим чередом. Я ехала в электричке за город. И ничего, в общем-то, не предвещало крутых изменений в моей в целом никому, включая и саму меня, никчемной жизни.

Признаюсь честно: я поначалу не обратила внимания на очередного продавца какого-то барахла, каких полно ездят по пригородным поездом. Но он так громко рекламировал свой товар, что оторвал меня от размышлений о бренности бытия и заставил посмотреть в его сторону. Господи, лучше бы он этого не делал – жизнь моя тогда пошла совсем по другому пути. Но кто мог подумать, что этот очередной продавец из числа бесчисленного множества себе подобных, есть указатель резкого поворота моей странной судьбы... Во всяком случае, я тогда не восприняла его в качестве такового указателя. Теперь понимаю, что совершенно напрасно.

Итак, посмотрев несколько раздраженно на громкоголосого продавца, прервавшего ход моих глубокомысленных размышлений, я увидела, что этот тип втаскивает скучающим пассажирам электрички женское белье. Он буквально весь был обвешан лифчиками, трусиками и прочим в том же духе.

«Интересно, а есть такие дуры, которые это все покупают?» – подумала я.

В этот момент продавец во весь голос заявил:

– Девочки, девушки, женщины и дамы! Только сейчас и только у меня эксклюзивное женское белье по супернизким ценам!

Я, глядя на все это, не выдержала и рассмеялась. А продавец подошел ко мне и говорит:

– Во-первых, смех без причины признак... наркомана, а во-вторых – что, мужики ни за какие деньги не хотят смотреть на твои детские сиськи? Тогда это мой тебе подарок – как раз твой размерчик! Только ватки побольше под него подложи, – с этими словами он повесил огромного размера лифчик мне на шею и пошел себе дальше.

Признаюсь – я от этого просто оторопела и не знала куда деваться. Сидящая неподалеку компания незнакомых парней стала тыкать в мою сторону пальцами, оглашая вагон дружным громким ржанием. От всего этого мне стало совсем не по себе, я швырнула проклятый лифчик на скамейку, вскочила и пулей вылетела в тамбур. Ну и в слезы, конечно.

Вот тут-то судьба и появилась передо мной прямо в пропахшем мочой и куревом тамбуре пригородной электрички.

Появилась в виде высокого молодого мужчины, красивого как черт. Он посмотрел на меня внимательно и сказал с дружелюбной и спокойной улыбкой:

– Не переживай, детка, ты и без его подарка круто смотришься. А что касается этого... – он похлопал себя руками по груди, – не рисуй из-за ерунды помадой крест у себя на лбу. На, возьми лучше, вытри мордаху, – он протянул мне чистый носовой платок.

– Спасибо, – еле слышно проговорила я, вытерев глаза и вернув платок его хозяину.

Не знаю почему, но я почувствовала себя вдруг почему-то очень маленькой и беспомощной.

Он улыбнулся мне, из-за чего я чуть не свалилась с катушек, потому что вдруг посмотрела в его удивительные глаза. А пока я стояла как дура и чувствовала, что прямо сейчас потону в этих его потрясших меня глазах, он и спросил:

– Тебя как звать-то?

– Люба, – пропищала я каким-то чужим, противным голосом.

– Хорошее имя.

– Спасибо, – вылезло из меня.

– На здоровье, – отозвался он и представился: – А я Богдан.

Надо сказать, что к этому моменту я уже немного пришла в себя и даже стала надеяться, что скоро наконец-то начну хоть что-то соображать.

Его глаза, его голос... они оказывали на меня просто магическое действие. Я готова была сделать все, что он скажет, как заколдованная я была готова повиноваться ему во всем.

Нет, до этого момента я твердо знала, что, едва познакомившись с человеком, не стоит «прыгать с ним с крыши», и всё-таки меня где-то перемкнуло. Раньше я никогда не совершала легкомысленных поступков. Но с появлением в моей жизни Богдана внезапно образовалось нечто вроде обрыва, и я знала, что стоит только прыгнуть с него, как жизнь моя мгновенно изменится. Признаюсь, что прыгать было страшно-страшно, но и долго стоять у края было невозможно.

Я еще раз заглянула в его глаза, но в их зеленовато-серой глубине мне так и не удалось прочесть ничего определенного. А он стоял и смотрел мне в самую душу, не давая мне разгадать тайну своих глаз. Я глядела в них, плохо соображая, что со мной, и отчетливо понимала только одно – я влюблена в эти глаза!

И тут он посмотрел на меня как-то особенно внимательно, потом легонько коснулся рукой моего плеча. Я затаила дыхание: мне одновременно было и страшно и... я не знала, что это было за чувство, это было что-то совершенно для меня новое, доселе мне не известное...

– Пойдем, присядем, – сказал Богдан и открыл дверь из тамбура в вагон. – Не здесь же нам стоять всю дорогу. Да и ароматы тут не ахти. Ну, что ты со мной или останешься здесь? – спросил он меня, все еще колеблющуюся...

И тут я прыгнула с обрыва...

Как сомнамбула шла я за ним по вагону, пока он не сел у окна и, указав рукой на свободное место перед собой, не произнес:

– Садись, Любаш, в ногах правды нет.

Ну, конечно же, я приняла его приглашение. Да и как я могла еще поступить, летя с края обрыва в неизведанное, страшное и призывно зовущее к себе...

А потом...

Потом я сидела и слушала его, впитывая каждое слово Богдана словно губка влагу.

– Кончай рассматривать других баб под углом своего несовершенства, – говорил мне он. – Никто и никогда не сможет понять, почему и чем один человек цепляет другого. И какой там у тебя размер груди не влияет на это, поверь мне, – тут он заговорил громче, наверное, для того, чтобы услышали все остальные. – Знаешь, мне искренне жаль всех этих глупых недоносков, у которых все еще сырая душа, а все желания сводятся к наращиванию количества мокрощелок, которых удалось полатать в грязном закоулке. И вообще я презираю всех тех, кто слишком строит из себя крутых и пофигистов. Обычно они становятся самыми погаными снобами, какие только есть. Хочешь, прочту одну вещь про это?

Я утвердительно кивнула.

Богдан вытащил листок бумаги и прочел уже обычным, а не нарочито громким голосом:

Ненавижу ниспровергателей и нонкомформистов,
Нынешних крутых и якобы пофигистов.
Большинство из вас, кто не сдохнет от передоза,
Скоро будет сажать безумно красивые розы
На аккуратной лужайке у собственного особняка,
Да коллекционировать дорогие сорта кубинских сигар и французского коньяка.
К тридцати обзаведетесь избалованными детишками,
К сорока нужными связями и полезными людишками,
К полтиннику устанете от ненасытных любовниц и сварливых жен,
К шестому десятку смените шампанское на полезный боржом,
К седьмому десятку будете полоскать вставные челюсти в банке от помидор.
Так что вся ваша нынешняя крутизна и спесь – просто туфта и вздор!

– Это чье? – поинтересовалась я.

– Мое, – признался Богдан. – Сочинил только что, прямо в этой электричке.

– Значит, ты не из таких, которых тут описал?

– Нет, не из таких, – ответил он, убирая бумажку со стихами в карман. – Я самодостаточный и состоявшийся человек, у меня есть ум, деньги, машина, квартира в хорошем районе, которую я собираюсь в ближайшее время поменять на очень большую и очень хорошую. И знаешь, одним из критериев выбора места моего нового проживания является наличие поблизости храма. Старого, намоленного. Потому что я не хочу ездить в храм на машине, как делают все те, у кого посещения храма только показуха, я хочу ходить в храм пешком, а по вечерам слушать мелодичный колокольный звон.

Что тут и говорить, я, понятное дело, слушала его, открыв рот: впервые рядом со мной оказался человек, который со мной об этом ТАК говорил. Слова Богдана падали прямо мне в сердце, отчего оно вдруг забило от сладкого предчувствия чего-то еще неиспытанного, того, о чем мечталось уже давно, втайне от других и даже от себя самой.

Мы стали подъезжать к какой-то станции. Богдан протянул мне руку и сказал:

– Пойду-ка я изнасилую палочками суши с ролами и пропишу их в своем желудке. Ты как, со мной или с этим проклятым поездом?

Конечно же, я не смогла устоять, настолько надежной показалась мне рука Богдана.

Почему-то мне не было страшно идти за почти незнакомым взрослым мужиком, хотя я и знала о всяких таких историях. Но я все равно пошла за ним, как брошенный на произвол судьбы котенок идет за первым встречным, который поманил его за собой, обещая приютить и накормить.

Мы вышли из вагона и спустились с платформы. Богдан держал меня за руку, причем делал это привычно и без всякого злого умысла, а у меня кружилась голова от того, что вот, впервые в моей еще совсем недавно никчемной жизни, я иду с красивым человеком, иду и держу в руке его горячую ладонь, тепла которой хватало на нас двоих.

Так мы и шли некоторое время по улице, идущей от станции, покуда Богдан не огляделся и не сказал:

Не найдя здесь хотя бы фастфуда,
Кока-колы не выпив стакан,
За «Мак-Дональдс» продам, как Иуда,
Свой последний и ржавый наган.

И тут я засмеялась от души, потому как мне было не просто весело, мне было – радостно. Я трудно представляла себе, как по-дурацки, как по-детски выгляжу в этой ситуации, но мне было всё равно. Я чувствовала, что меня просто прёт и потому смеётся как-то само собой. Все напряжение и вся неловкость, что были внутри меня еще с минуту назад, испарились, будто бы их и не было.

И я успокоилась. Успокоилась из-за того, что рядом с Богданом я вдруг чувствовала себя так уютно, спокойно и безопасно, что напрочь перестала дергаться и тревожиться. Время вдруг внезапно останавливалось, не хотелось никуда спешить, не хотелось ничего делать, а только быть рядом с ним. Та непринужденность, с которой он разговаривал, заставляла меня безгранично ему верить.

Видя, что я перестала быть напряженной и что мне весело, он улыбнулся.

Я была прямо в нокауте.

Говорят, что у боксеров от нокаутов развивается деменция, то есть, попросту говоря, слабоумие. Я думаю, что это чистой воды правда, потому как у меня от его присутствия точно слабоумие развилось. Ни о чем не могла думать, никаких мыслительных процессов у меня не стало. Напрочь исчезли. Правильно говорят, что умные люди от любви глупеют. Хотя какая я умная... так, считала себя такой, но кто из людей таковыми себя не считает...

Я постаралась ничем себя не выдать. И только внутри всю меня лихорадочно трясло от волнения. Впрочем, я, наверное, была тогда слишком чувствительная... Да и только ли тогда...

Чуть отправившись от нокаута, я вдруг поняла, что Богдан и есть то самое полное исцеление от пустоты прежней жизни и спасительное крушение моего опостылевшего мне мира, что он – тот, о котором я молила небеса, тот, кого я вымечтала у судьбы.

Спустя некоторое время мы зашли с ним в уютное кафе и сели за свободный столик у окна.

– У меня есть деньги, я сама заплачу, – сказала я, доставая кошелек.

– В следующий раз, возможно, но только не сейчас, – произнес Богдан и позвал официанта.

Вскоре перед нами уже были мисочки с суши, палочки и напитки.

– Ты не предлагаешь даме выпить чего-нибудь покрепче? – поинтересовалась я, внимательно ожидая ответа.

– Нет, – спокойно произнес Богдан. – Я не хочу одурманивать себя алкоголем.

– Ты трезвенник?

– Сейчас – да.

– А не сейчас?

Богдан ушел от ответа, раскрыл свою бумажку с завернутыми палочками, вытащил их оттуда и спросил:

– Умеешь этим пользоваться?

– Нет, – чуть смутилась я.

– Все очень просто, – сказал Богдан и ловко подцепил кусочек из миски. – Вот так берешь и ешь. Очень просто. Раз – и готово! – он снова ловко взял палочками кусок рыбы.

Я тоже попробовала также сделать, но куски все время соскакивали и падали обратно.

– Не получается, – сказала я растерянно.

– Нет, ты не так делаешь, смотри, – Богдан снова подцепил кусочек из миски. – Нижняя палочка сидит себе спокойно, а к ней приходит в гости верхняя. Ты ею будешь двигать и все брать. Это как челюсти. Попробуй еще раз. У тебя получится. Смотри, как я делаю, и повторяй за мной.

Я снова попробовала пользоваться палочками, но у меня опять ничего не получилось. С палочек все падало, и я не могла ничего толком ими удержать. Богдан с едва уловимой улыбкой смотрел на мои мучения, а потом мягко сказал:

– Нет, не так. Давай я тебе покажу.

Он взял сначала одну палочку и показал, как ее держать, говоря:

– Вот видишь, это очень просто. Держишь ее как карандаш. Вот так. Тремя пальцами. Большим, указательным и средним. Ее можно двигать вверх-вниз, вверх-вниз. А можно и не двигать. Это верхняя палочка.

– А нижняя?

– А нижнюю надо брать вот так. Смотри. Зажимаешь ее между большим пальцем и ладонью. И вот этими пальцем поддерживаешь.

В общем, я быстро научилась.

А потом мы ели суши и разговаривали.

– Ты, наверное, счастливый, – сказала я.

– Почему?

– Потому что барышни на таких, как ты, всегда гроздьями вешаются.

– А ты распрями спину, выстави все, что у тебя там под майкой есть навстречу миру и тоже будешь счастливой.

– Ерунда все это! Вот, посмотри, это разве красиво? – я протянула перед Богданом свои худые руки.

– Знаешь, Любаша, какой у меня девиз жизни: Успокойся, Богдан, ты – супер!!!

– Да уж, чего тебе думать об этом, когда и без того все видно.

– Что, выгляжу хорошо?

Я молча закивала утвердительно головой.

– А ты посмотри, каким я был всего несколько лет назад, – Богдан вытащил фотографию какого-то юнца с прыщавой мордой и произнес: – Тогда я тоже говорил себе – я урод, я ненавижу себя, у меня прыщи, у меня большой нос, короткие ресницы, кривые ноги и из-за этого никто не хочет со мной дружить. Вот так и ты. Хочешь навек остаться дурнушкой – оставайся. А не хочешь – тогда будь уверенной в себе.

– Прикажешь мне сидеть и ждать? – усмехнулась я, возвращая фотографии Богдану. – Ты прямо как мои покойные предки: «Надо думать о будущем, надо думать о будущем». А я не хочу думать о каком-то там будущем, я хочу жить сегодня!

– Ну, и живи, кто тебе не дает. Или что, денег в обрез?

– Деньги у меня есть, – призналась я, – а вот... – я осеклась, боясь высказать самое потаенное.

– А мужика хорошего нет, – подсказал мне Богдан.

– Да сейчас те, поумнее – тех от компьютера не оттащишь, а кто поглупее – все обколотые, с гепатитом да СПИДом, – произнесла я с обидой и даже какой-то злостью.

– Ладно, не преувеличивай. Нормальных мужиков полно, просто ты так говоришь, что они внимания на тебя, несчастную, не обращают.

– Ну, если и так, то что из того? – зло ответила я, уязвленная тем, что Богдан попал в самую точку

– А надо просто уметь ждать.

– Вот я и жду у моря погоды, – вздохнула я. – Этакая противная мерзкая жаба, которая мечтает, чтобы её увидел и поцеловал прекрасный Принц. Да только вот нет никакого принца – кругом все скоты и сволочи поголовно или через одного!

Нет, принцессы не должны говорить с принцами таким тоном. Но я как с цепи сорвалась.

– Ох, ох, ох, – иронично произнес Богдан. – Не надо злиться на весь мир, что он такой, какой он есть. И еще мой тебе совет: отойди от помойки – тогда и навозных мух не будет. А что касается остальных баб, которые посмазливее, так это ты просто им завидуешь.

– Ну и пусть так! Чем я хуже их? Я тоже человек, понимаешь!?

– Да ничего ты не хуже. Просто ты должна понять, что всегда найдется та, по которой все мужики сходят с ума и готовы скушать свои носки, чтобы провести с ней вечер наедине. А вы, остальные все, только и будете делать, что завидовать ей и злиться, что мужики вас динамят.

Я молчала. А что я могла сказать ему на эти справедливые слова? Видя, что угадал, Богдан продолжал размышлять вслух:

– А чем ты лично хуже их, всех этих кукол Барби?

– Да ты знаешь, какие они... – промямлила я.

– Тоже мне зайчик-Energizer! – рассмеялся Богдан. – Ну, девки как девки. Чем ты хуже? Что у них есть такого, чего у тебя нет?

– Есть... – произнесла я и смущенно опустила глаза.

Богдан наклонился ко мне и сказал тихо, так, чтобы никто не слышал:

– А ты не стой по сто раз на день у зеркала голышом, проклиная маму с папой и с тоской спрашивая себя: «Почему у меня тут так мало, а там так много?!» Знаешь, для того, чтобы что-то получить от жизни, мало денег и сисек как у Бриджит Бардо, для этого надо еще быть личностью.

– А я и так личность! – выпалила я. – Ты что, тоже будешь читать мне мораль и нотации?! Хватит, я ими сыта по горло! Достали вы все меня! – я вскочила, намереваясь уйти, но Богдан схватил меня за руку, и произнес примирительно:

– Все, не кипятись и сядь. Сядь, я тебе говорю, никаких нотаций я тебе читать не собираюсь.

Я уселась на место, а Богдан поинтересовался:

– Вот скажи мне честно: ты хочешь выделяться из толпы или косить под массу?

– Черт его знает! – пожала я плечами. – Иногда мне весь этот моб хуже рвотного порошка, а иногда так тоскливо одной станешь, что только и мечтаешь, чтоб стать как все.

– А ты не будь быдлом. Только быдлу свойственно хотеть, чтобы все были такими же.

– Да сколько можно ныть о высоком и недостижимом?

– А ты чего хочешь? Чтобы как с тобой обращались?

– Как с нормальной.

– А именно?

– По-человечески. Но только чтоб без всяких там котичка, пусичка, зайчонок и все в таком духе.

– И что в этом плохого – в ласкательных-то словах, чем они тебе не по душе?

– Меня от этого тошнит.

– А ты дай мужику со всей дури железным дрыном по кокосам. Если он тебе тут же зарядит кулаком в рожу, выходит, что он и есть самый настоящий мужик, самый что ни есть молодец! А если тебе не по нраву ласкательные слова, то пусть он тебя зовет членосоской или засранкой. Так по-настоящему круто. И вообще не теряйся! Руки в ноги и вперед! Круто жить не запретишь.

Богдан замолчал. Молчала и я, не зная, что ему ответить. Богдан проглотил кусочек суши, вытер рот салфеткой, откинулся на спинку стула и произнес:

– Вот ты тушуешься, дурехам лихим завидуешь... что ж, давай, живи, как они живут. Валяйся в туалете ночного клуба на куче бычков, шприцов и использованных презервативов, в луже блевотины, с синим фингалом под глазом. Ах, да, пустые бутылки из-под виски, джина и дешевого пива не забудь рядом разбросать для полноты картины. Вот тогда все и поймут, что ты – крутая. Все это самым благотворным образом повлияет на твой негласный рейтинг. А еще перестань мыться, заведи друзей среди панков и наркоманов. Любому первокласснику известно, что если ты пьешь, куришь и торчишь круглые сутки, то круче тебя только кулак Майка Тайсона. И еще мой тебе совет: всем, кто обзывает тебя тормознутой, давай сразу в ухо бейсбольной битой.

Тут я начала смеяться, да так, что никак не могла остановиться.

– Чего это тебе так весело? – удивился Богдан.

– Да так... ха-ха-ха...

– Может, у тебя суши были с марихуаной, что так на смех-то пробивает? Надо бы самому попробовать, может тоже порцию взять. Простите, а у вас суши случайно не с марихуаной? – поинтересовался Богдан у проходящего мимо официанта.

– Что, что?! – удивленно посмотрел на него тот.

– Да вот – девушка поела, и её вдруг на смех ее пробилло, – пояснил Богдан.

– Подождите – спрошу у шеф-повара. Но если окажется что суши с марихуаной – за это отдельно надо будет доплатить, – усмехнулся официант.

– Нет, нет, тогда не надо, – сказал Богдан и, дождавшись, когда я успокоилась, заметил:

– Знаешь, Люба-голуба, мне вчера сон был. Представляешь. Зима. На снегу – грязный матрас, учебник какой-то школьный, недопитая бутылка шампанского, рядом в снегу стоит раковина, в ней – плюшевые игрушки совсем новые, веселые такие, в кучу навалены, а поверх них лежит книга Франсуазы Саган. Что-то еще там было... ах, да, пианино неподалёку. И все клавиши покрыты пеплом. Я только сейчас врубился, что сон этот был вещий.

– В смысле?

– Я до сегодняшнего дня считал, что в вечную любовь лучше не особенно верить и особенно ее не ждать, надеяться ее встретить можно, но только не очень, потому как шансов на это мало. А сейчас думаю, что не прав я был, заблуждался по молодости лет.

– Почему?

– Потому что... – Богдан замолк.

– Ну, чего ты молчишь?

– Да вот думаю... мне кажется, что самые искренние и смелые поступки происходят не в дорогих ресторанах и не на морских круизах, а поблизости с холодильником, в котором мышь от тоски повесилась... хотя, конечно, если пустой кошелек явление постоянное, то любовь... она вянет рано или поздно...

– А чего ты вдруг про деньги заговорил? У тебя что, с ними напряг? Могу дать, сколько есть, – я достала кошелек.

– Нет, нет, я не об этом, – остановил меня Богдан. – С бабками у меня все в порядке. Я просто ехал сейчас в электричке и думал о том, что хорошо быть богатым, чтобы в грязных тамбурах не париться, а катить в навороченном кабриолете... и что деньги в жизни – самое главное для человека. Но это было пару часов назад.

– А сейчас?

– А сейчас я думаю так: вот если бы мне встретишься девушка, не вообще девушка, их у меня было полно, а вот такая, настоящая, с глазами как у тебя, – тут Богдан взял мои руки в свои.

– Ну и? – произнесла я с замирающим сердцем.

– Хочешь, я скажу тебе, о чем мечтаю.

– Скажи.

– Я мечтаю о том, чтобы нашлась та, с которой можно было бы вести задушевные разговоры между дегустацией различных градусов и закусок, с боями подушками, ну не знаю, это просто первое, что в голову пришло, между танцами там всякими, прижиманцами и раздеванцами, морскими боями, игрой в разведчиков по пути домой...

– Богдан, ты о чем? – спросила я, а у самой сердце так и бьется.

– Подожди, не перебивай. У меня нет многих вредных привычек типа там пения противным голосом в душе по утрам, храпа во сне, лунатизма, долгих восстановлений лица по черепу после вчерашнего, я сейчас уверенно как никогда стою на ногах, да и в возрасте, когда уже знаешь, что хочешь... В процессе раздачи Богом интеллекта и юмора я стоял в обеих очередях сразу и получил приличную добавку к стандартной порции. А потому мне до смерти надоели все эти вопли «Не трогай мою прическу, ты знаешь, сколько я за нее отдала?!» и бесконечные походы за кофточкой «Как у Нелли», но только с оранжевым кружочком на боку... поэтому я хочу, чтобы рядом со мной была ты, вот такая, какая ты есть...

Я молчала, в страхе и смятении ожидая продолжения. Но Богдан тоже молчал. Наконец он прервал молчание и произнес:

– Ладно, нам пора. Ты сыта?

– Да, – призналась я, все еще ожидая услышать продолжение.

Но никакого продолжения не последовало.

Богдан просто встал, оставил на столе деньги и, взяв меня под локоть, пошел со мной к выходу. Выйдя на улицу, он остановился и спросил:

– Тебе куда?

– Это все, что ты хотел мне сказать?

– Пожалуй, да.

– А я уж думала... – я осеклась.

– Потом как-нибудь, – произнес Богдан и достал сигареты.

– Ага, значит, будет и потом, – горько усмехнулась я.

– Не знаю.

– А я знаю! – вдруг вспыхнула я. – Только мне может так повезти! Только мне!

– Да ладно тебе, ведь ничего же такого не случилось, – попытался успокоить меня Богдан.

– Вот именно, что ничего не случилось!

– И не случится.

– Ёксель-моксель, обожаю таких кидал, как ты, просто прусь от них! – в сердцах выкрикнула я, повернулась и пошла себе прочь.

– Люб, да подожди ты! – догнал меня Богдан. – Ну, чего ты, в самом деле?! Чего я тебе сделал-то, а?

– Ничего ты мне не сделал, – тихим злым голосом сказала я. – Так что можешь идти по своим делам со спокойной совестью.

– Да что с тобой? Ты, что обиделась? Так я же тебя и пальцем не тронул, ты что?

– Вау! Если твой принц послал тебя в известном направлении – принцесса что же, должна прыгать до неба?

– Никуда я тебя не посылал. Я просто решил, что надо вовремя остановиться.

– Кому?

– Мне.

– А как же теперь я? – спросила я, чувствуя, что на глаза навертываются слезы.

– Прости, глупо все получилось, – произнес он.

– Ах, прости... большущее тебе спасибо за вежливое обращение с барышней!

– Ты чего злишься-то?

– Я злюсь?! Я – злюсь?! Господи, да что мне злиться-то?! Все ведь так прекрасно!

Я выпалила все это и отчалила. На этот раз Богдан не догнал меня, сколько я не ждала.

Потом я ехала домой в электричке и смотрела в окно. По щекам слезы текли как у дуры.

В общем, с того самого дня завертелась, закружилась моя жизнь и понеслась как скорый поезд, но не вверх, вниз или вперед, а куда-то вбок и зигзагами...

Но все это случилось уже потом, а в тот вечер я шла по улице к себе домой и обливалась слезами.

Странно, но наша улица была в тот вечер абсолютно пуста, никто по ней не ходил, словно бы начался какой-нибудь комендантский час или стояла глубокая ночь. Но не было ещё и десяти, да и окна домов светились человеческим присутствием. Но они не могли заполнить ту пустоту, которая образовалась во мне. Я была как выжатый лимон и больше ничего. Я была как увядшая роза, потерявшая всю свою привлекательность в тот миг, когда завял ее последний лепесток. Впрочем, я и в незавядшем состоянии далеко не была розой. Так, репейник или что-то в этом роде. Просто репейник почувствовал себя розой на какое-то мгновение, вот и всё. Не перестав быть все тем же, чем и был.

И тут ощущение пустоты лопнуло: из подземного перехода, разрушив всю картину мистически опустевшего города, вышла молодая парочка, не прекращающая целоваться.

«Глупенькие, зачем они занимаются всей этой мелочевкой, – подумала я, – им бы надо пользоваться моментом безлюдья и как следует совокупиться!»

А потом я лежала на кровати, обняв подушку, и продолжая громко плакать. Благо, что никто не мог помешать мне выреваться. Боль, насквозь пронзающая сердце, рвалась наружу, сжимая железными тисками внутренности. Голова раскалывалась пополам, глаза болели от слез, которые обжигали лицо и никак не хотели останавливаться. Эмоции душили меня, разрывали на части душу.

– Во имя чего эта моя внезапно свалившаяся на меня любовь? – шептала я. – Какая от нее польза? Она ведь на самом деле никому не нужна! Она может только мучить, не принося никому радости. Во имя чего она меня настигла?! Во имя какой надежды, во имя какой мечты?!

Потом я немного успокоилась, встала и подошла к окну. Окно по случаю невероятной духоты было открыто, и я ощутила, как дрожь у меня прошла по всему телу: так захотелось перелезть через подоконник – и вниз, вниз, вниз...

Однако испугалась, дура, не смогла решиться.

От страха все во мне занемело, даже мозги.

Стояла как кол и пялилась на небо, на этот ночной хаос звезд, совершенно ко мне равнодушных. Впрочем, и я им отвечала тем же.

И тут странный покой одолел меня. Будто меня отключили от реальности. Повернула башку в комнату, увидела компьютер, подошла к нему и включила процессор. Пока компьютер включался, я стояла и думала: почему в жизни «GAME OVER» имеется, а «RESTART» нет? Почему жизнь – не очередная компьютерная игра? А то нажала бы на кнопочку «RESTART» и попыталась все пройти заново и другим путем. Однако нельзя. Приходится писать сразу же всё в чистовик. Потому что черновиками пользоваться в игре под названием Реальная Жизнь не разрешено.

А потом потекли однообразные серые дни.

Я ждала, что он позвонит: я ведь дала ему свой телефон. А он не звонил. Я ждала. А он опять не звонил. А я ждала...

До последнего надеялась, что он все-таки позвонит...

Но он так и не позвонил.

Что такое трагедия? Это когда одинокий человек сидит в пустой комнате у молчащего телефона.

Если телефон молчит – это меня!

Если телефон не звонит – это мне.

Нет, нет на всем белом свете звука громче, чем молчание телефона.

День сменился другим днем, неделя сменилась неделей...

Я все еще любила его, я любила героя моих детских снов, который внезапно явился мне наяву. А как еще я могла поступить?

И вот теперь мой герой исчез, а я осталась одна. Одна в этом сне. И никто не может мне подсказать, где же выход из него, как мне проснуться...

Я хочу умереть.

Я хочу к нему.

Я хочу, чтобы все знали, как мне плохо и плакали вместе со мной. Но никто не знает и, конечно же, не собирается плакать.

Так думала я день напролет.

А еще мне хотелось кричать.

Но я не кричала.

Конечно, можно, конечно, кричать обо всем этом на каждом углу. Можно рыдать во весь голос на самом оживленном перекрестке этого мира, чтобы все слышали и видели КАК мне плохо. Но в глубине души я отчетливо понимала, что никакого прока от этого не будет, что никто не услышит этот мой отчаянный крик боли, ненависти и полной безнадёги. А ведь мне действительно было плохо! О, как мне было плохо! Честно-честно...

Черная дыра его отсутствия засосала все. Цветущие сады превратились в мертвую пустыню. Ухоженная клумба вмиг заросла сорняками. Источник, снабжавший водой целый мир, высох в одно мгновение.

Еще совсем недавно в моей жизни ярко светило солнце, вспыхнув на несколько дивных часов и расцветив все необыкновенными красками.

А потом солнце также внезапно погасло, как и появилось, отчего весь мир погрузился во мрак.

У меня ничего не осталось, никаких ресурсов. Я стала похожа на лопнувший шарик из мультика о Вини-пухе, который Пятачок вручил ослику Иа.

О таких чувствах только в книжках пишут, на деле такого не бывает. Но – ведь было же! И не с кем-нибудь, а – со мной!

Я, конечно же, понимаю, что все это были самые банальные сентиментальные бабские сопли. Но это правда. Было правдой. Я чувствовала, что падаю, падаю, падаю куда-то вниз. Может, я Алиса из сказки Льюиса Кэрролла? Но тогда где мой кролик, пудинг и Чеширский кот? Почему нигде не видно таблички «Съешь меня» или «Выпей меня»? Кто напишет благополучный конец моей истории? Или я так и останусь книгой, в которой кто-то выдрал все последние страницы?

Наступила поздняя осень. Я бродила по паркам, мечтая найти какой-нибудь пруд, чтобы утопиться. Хорошо, когда пруд глубокий и в нем свинцово-серая вода, и в воде такие же серые облака, как и наверху. А еще лучше найти омут. Несколько смелых шагов – и холодная вода уже никому ничего не расскажет. Эх, вот бы взять и решиться бы только на эти пять-шесть шагов, пробить отражение серого неба и исчезнуть в пустоте... Но никаких озер на сто миль вокруг. Одни пруды по колено.

Искала, искала место, дура безмозглая, где сердце могло бы бросить якорь. Умоляла судьбу подарить мне встречу с Принцем. Вот и доумолялась. И чего хорошего, спрашивается?

А ничего. Только и остается, как разбежаться и со всей силой долбануться пустой своей башкой об стену. Что ж, не очень эстетичный, конечно, видок у меня после такого тарана будет, зато наконец-таки, перестану буравить заплаканными глазами мироздание и прислушиваться к вечно молчащему телефону. И поплыву себе на лодочке Харона через речку Стикс с двумя монетками на ничего уже не видящих глазах...

Все, каждая минутка нашей с Богдангом встречи, жила во мне, это жило вместе с моей Надеждой, которую он безжалостно сжег своим исчезновением. Сам создал, сам же и уничтожил. Зачем, зачем он сделал все это?.. Может, он и сам этого не знал?!

Я стала как сломанный радиоприемник: застряла на одной радиостанции, и невозможно сдвинуть ручку... И что дальше?

Однажды я заглянула в маленькую церковь. Там, перед старой потемневшей от времени иконой Христа беззвучно плакала, слегка потрескивая, одинокая тоненькая свечка. Маленькие восковые слезки скатывались по ее желто-бледному болезненному телу. Огонек еле заметно шевелился и ровно и мягко освящал божественный лик. В этом нежном сиянии икона оживала, впитывала новые краски, жизненную силу, энергию... Пока есть свечи – живы и иконы...

Говорят, что старые иконы потому так светятся в темноте и мерцают, что раньше в краску специально добавляли мелко размолотые кристаллы. А, может, потому они такие, что те, кто их писал, вкладывали в каждый мазок всю свою душу, всю свою веру?.. Не знаю... во всяком случае, факт есть факт – икона светилась и пронзала меня насквозь глазами Спасителя...

Не выдержав его взгляда, я бухнулась бессильно перед иконой на колени, молитвенно сложила перед собой руки и стала бормотать слова, похожие на молитву:

– Богданчик, милый, родной, умоляю, отпусти, отпусти меня. Я тебе за это дам горы серебра, золота и алмазов. Все, все, что только попросишь, но только не держи меня памятью о тебе... Господи, слышишь ли Ты меня?! – воскликнула я, в отчаянии воздев к лику Христа свои залитые слезами глаза.

Я не ждала и одновременно ждала какого-нибудь ответа на мой вопль. И этот ответ прозвучал, влился в мое исполосованное сердце вдруг с один миг сложившимися стихами:

Ожидаю напрасно гласа,
Чтобы голубь спустился с небес
Или слов сокровенных Спаса,
Иль каких-то иных чудес.

Избавление не приходит,
Сколько Бога о том не моли.
Словно прутиком кто-то водит
Взад-вперед по купели земли.

Верю в голос его хрустальный,
Но сомкнулись его уста.
Что же видит во мне кристальный,
Все пронзающий лик Христа?

Удивительно – как только прозвучали во мне последние звуки самых последних слов, мне друг внезапно полегчало.

Я всхлипнула в последний раз, поднялась с колен, вытерла тылом ладони покрасневшие воспаленные глаза и пошла себе к выходу из церкви...

Покинув ее, я принялась бродить по улицам, вдыхая пряный осенний аромат и думая о том, что я вдруг в одночасье превратилась из маленькой девочки в маленькую старушку, миную

возраст женщины, и что я чувствую себя так, как будто мне уже семьсот семьдесят семь тысяч лет. И столько же, видно, умерших надежд.

Но я обманывала себя – последняя, малюсенькая-прималюсенькая надежда на то, что я когда-нибудь снова повстречаю Богдана, никак не хотела во мне умирать, сколько я не пыталась ее прогнать, удавить, утопить и изничтожить каким-либо иным зверским способом.

Кто его знает, может быть, это было к лучшему....

Глава 3. Между небом и землей

Я иногда думаю, а что же такое, в сущности, наша надежда? И все больше убеждаюсь в том, что это существование человека между небом и землей.

То есть нигде.

Надежда... Ее даже и похоронить нельзя. От нее почти уже ничего не осталось, пепел один. Смотри, что ты наделал, Богдан. Неужели ты не понимаешь, что так нельзя?!

Вот в таком подвешенном состоянии я и продолжала пребывать, взывая к небу, чудесам и всему тому, что могло бы мне помочь встретиться с Ним...

А вокруг была осень. Под ногами шуршали опавшими телами листья разной формы, цвета, величины, но было в них нечто общее – все они были мертвы... и никогда им больше не воскреснуть... придут дворники, соберут их... и в огонь побросают... или уташат куда-нибудь, чтобы сделать из них перегной... какое замечательное слово... именно в это и превращается вся эта дивная осенняя красота...

Впрочем, осень отлетала легко, как отлетает душа праведника. Молодые березки словно свечки за упокой, горели ярким, чистым и последним пламенем, а дождь был похож на святую воду... еще немного и осень скользнет куда-то вверх, выше крыш и вознесется...

Я поняла это, когда пришла однажды в парк и увидела, сто почти все деревья стоят голые. Лишь одно осталось с почти везде уцелевшими листьями, правда, тоже почти потерявшими свой прежний цвет.

Я подошла к дереву, прикоснулась щекой к холодной коре и стала вдыхать аромат, чтобы продлить этот день, впитать его весь целиком, прожить, запомнить... для чего?... я и сама не знала... Наверное, чтобы начать отсчитывать от него какой-нибудь новый этап своей жизни... Хотя все это стало мало похоже на жизнь. Мало человеческого остается в человекоподобном существе, реагирующем на одно-единственное имя и одновременно ненавидящим его. Это уже сродни фетишизму, или антифетишизму, черт его разберет, как это там все называется у них, у умных.

Вот так и живешь, тащишься по жизни, ощущая себя человеком, с которого заживо содрали кожу, скелетом без куска живой плоти, головой профессора Доуэля. А может, взять и превратиться в Медузу Горгону?..

Ходишь по городу и ловишь себя на мысли, что вода под мостом в реке так и зовет, так и уговаривает в нее, серую и мутную, прыгнуть.

Мечешься, мечешься по огромному городу, до боли в глазах вглядываясь в каждого встречного, сравнивая одежду, походку, волосы... Но нет, все только приблизительно похоже. Приходишь в себя, а потом ловишь на мысли, что глаза снова его ищут. И будут искать, пока не повылазят. Они не могут его не искать.

Иногда хотелось, чтобы у меня развилась амнезия. Была бы у меня амнезия, я бы сразу сделалась счастливой, забыв обо всем, что было, и не мучаясь от невозвратимости прошлого. Но возникает вопрос: а можно с потерей памяти потерять и возможность любить?

Как же я мечтала дожить до того времени, когда сотрутся все воспоминания о нем!

Я говорила себе каждое новое утро:

– Я тебя забуду. Совсем забуду. Обязательно и непременно. Если конечно смогу. А почему не смогу? Очень даже смогу. Вот постараюсь как следует – и смогу.

И не смогла... ни разу не смогла, как не старалась...

Я минус Я равняется Ноль,

Я минус Ты равняется Боль...

А еще говорят, что след, оставленный любовью, пусть даже и скоротечной, красив и загадочен! Чуть это все собачья! После нее одна сплошная кровоточащая рана. Это как алмазный бур, который прошел тебя насквозь, сметая и разрушая все на своем пути, а потом его вытащили и куда-то убрали. А ты остаешься в этом во всем доживать, или, что точнее – догнывать...

Почему-то она не давала себя убить, эта моя чертова жизнь без него. И зачем ей я? Уж она-то мне точно была не нужна.

Но она, жизнь, как нарочно цеплялась как тот кот за диван, с которого его хотят стащить, и не давалась.

И зачем мне было ее продолжать, эту мою жалкую жизнь? Что в ней такого уж хорошего? Или от нее польза есть кому?

Уж точно не мне.

Я уж точно так жить не хотела. И не могла.

Ну что это за жизнь, а?

Глупое существо.

И обреченное...

Но еще больше – живучее.

Живет и живет себе.

Живет, чтобы что?

Чтобы в избытке воздуха – задыхаться, а в толпе быть одиноким, никому не нужным, мерзким существом?

И самое веселое, что это существо – я.

Было бы действительно весело, если бы не так грустно.

Каждый раз смотрю на фонари и вижу виселицу.

Ха-ха...

Когда было совсем плохо, я уходила из дома, куда-то в неизвестность, но потом вновь возвращалась обратно домой, в этот проклятый склеп...

В тоске я чуть ли не сто раз на день проверяла свою почту в компе, но, конечно же, зря. Хоть я и дала ему все свои координаты, но никаких сигналов от него ко мне не поступало.

Я стала радоваться даже спаму.

Мне казалось, что беда, постигшая меня в связи с расставанием с Богданом – это край, что это самое страшное, что есть в моей жизни.

Потом я отчетливо помню период, когда стала бить стаканы и резаться об осколки: мне хоть как-то надо было сохранять контакт с реальностью. Когда я разбивала стакан, я как бы пыталась поставить красную точку во всем этом и прерываться на реальность. Вроде того, как в телевизоре говорят: вернёмся после рекламы, не переключайте. Но перерывы на реальность были слишком маленькими, чтобы я смогла ими спастись.

Но я все же спаслась.

Спас меня кот.

Мы с ним встретились совершенно случайно. Он сидел перед дверью в мою квартиру, когда я собиралась войти. Критически оглядев меня всю от пят до макушки, он подошел и потерся об мою ногу, одобрительно урча.

Мне ничего не оставалось делать, как открыть дверь и пригласить его к себе в гости.

Он, паразит, поднял голову, заглянув своими огромными зелеными глазами в мои глаза, и снизошел до того, что медленно проследовал за мной. Осторожно ступая, он обошел все углы, ища присутствие опасности. Потом, удовлетворенный результатом, забрался на диван, вытянулся на нем во весь рост и заснул, не обращая на меня, хозяйку всего этого, никакого внимания.

Я же подошла к гостю и присела рядом, удивленная и в то же время заинтересованная такой наглой бесцеремонностью – так нахально войти в чужую квартиру и занять единственный в ней диван!

Несколько минут я просто сидела рядом и рассматривала его. Ничего особенного – на улице таких миллион. Но они-то на улице, а он здесь, у меня на диване, свернулся калачиком, полностью игнорируя присутствие всего остального мира, в том числе и меня.

Мне захотелось прикоснуться к этому странному существу, поэтому я протянула руку, но тут же замерла, встретившись взглядом с двумя зелеными пистолетными дулами-глазами. Все-таки мое желание было сильнее страха, и, подождав несколько секунд, я продолжила движение, не отводя взгляда от этих двух зеленых глазюк. Наконец, я все-таки коснулась его тела и сделала пару робких поглаживаний. Убедившись, что опасности нет, он медленно опустил голову обратно на диван и позволил мне немного себя погладить, всем видом давая понять, что нисколько в этом не заинтересован.

И тут я с удивлением ощутила, что никогда еще за последнее время не чувствовала себя так уютно, как сейчас, на этом диване, с этим абсолютно незнакомым мне существом. Захотелось лечь с ним рядом, закрыть глаза и просто полежать какое-то время, растворившись в тишине и покое. Но как только я начала опускаться на диван рядом с ним, он резко соскочил на пол и выбежал в незапертую входную дверь.

Я встретила его снова через несколько дней. Также как и в первый раз, он с абсолютно безразличным видом сидел у меня перед дверью. Ничуть не колеблясь, я опять впустила его. И снова он совершил свой обход в поисках неизвестно чего и устроился на диване. Я вошла следом, достала из холодильника молоко, налила в блюдце и поставила в прихожей. На обычное «кис-кис-кис» он плевать хотел, паразит. А я не стала настаивать и весь вечер занималась домашними хлопотами, а гость мирно сопел на диване, так и не притронувшись к молоку. Иногда я тихонько присаживалась рядом и смотрела на него. Просто смотрела, не в силах понять, почему от этого мне так приятно и тепло в груди. Только ближе к ночи, когда сон тяжелыми хлопьями сновидений склеил мои ресницы, я снова попробовала лечь рядом с ним. Почти уверенная в неудаче, опустила голову на подушку... но на этот раз мой гость не свалил, а продолжал лежать, не двигаясь. Мне показалось, что я уснула раньше, чем закрылись глаза. Сквозь навалившийся на меня сон я почувствовала, как кот придвинулся ко мне ближе, так, что даже сквозь сон я ощутила тепло его тела. Хотя на самом деле я не была уверена, кто к кому придвинулся. Всю ночь мне снились необыкновенные, прекрасные сны, а пробуждение было на удивление радостным и бодрым – я давно уже не чувствовала себя так хорошо. Уходя из дома, я глянула на диван, где он лежал всего секунду назад. Диван был пуст, но что-то проскочило мимо меня в открытую дверь и скрылось на лестнице. И еще: на полу осталось стоять пустое блюдце. Я улыбнулась и пошла по своим делам.

Следующие несколько дней были странными. Я чувствовала, что чего-то мне не хватает. Или кого-то... С удивлением замечала, что спешу домой и огорчаюсь, увидев, что перед дверью – никого. Даже диван выглядел одиноким. И хорошие сны перестали сниться.

Он появился лишь через неделю. Все было как раньше – мы действовали согласно непisanому ритуалу, понятному лишь нам двоим. Он только чуть-чуть отклонился от него, когда медленно и осторожно подкрался к моему креслу, в котором я сидела, прыгнул на него и мягко положил голову мне на колени под нежные поглаживания моих рук.

Потом он спрыгнул на пол и потёрся о ноги, прося колбасы: ведь коты любят не своих хозяек, а их холодильники. Но колбасы не было, и кот ушёл.

Правда, у меня были кильки в томате и хлеб времен татар и покоренья Крыма. Из чайника вытряхнулись известковые плёнки, но пить не хотелось.

Я сидела за столом, обезглавливала вилкой кильки и пыталась хоть о чем-нибудь приятном думать. Но у меня ничего не получалось. Откуда-то вылезли тараканы и стали атаковать

кусоч черного заплесневевшего хлеба. Но тот не представлял интереса даже для них и тараканы уползли.

Успокоив на какое-то время свой рассерженный моим невниманием к себе желудок кильками и куском старого и почти уже не разгрызаемого батона и кружкой воды из-под крана, я с четверть часа рассматривала себя в зеркале и, наконец, устав порядком от этого грустного зрелища, отправилась совершать попытку заснуть. Долго лежала, окружённая темнотой ночи, усиленной опущенными веками, но это все равно не помогло – сна не было, а были все те же мысли, медленно катящиеся по извилинам тяжёлой темной ртутью.

Кота нигде не было видно. Я решила оставить его в покое и включила комп. Стала что-то там выстучать клавишей из мира иллюзий Сети, но потом мне надоело этого делать, потому как на клавише так и не нашлись подходящие кнопки, способные хоть как-то выразить мое настроение.

В конце концов, я выключила комп, достала сигареты, вытащила одну, закурила. Я стала курить в последнее время, потому что как все уверяли в один голос, что сигареты очень успокаивают нервы. Оказалось, что чушь собачья. Сигареты ни черта не помогали, с таким же успехом можно было жевать неиспользованную прокладку.

Наверное, моя любовь – это просто самовнушение. Захотелось влюбиться, вот и все... Просто моя внутренность требовала любви. Гормоны лезут в кровь, вот она и бурлит... Но сейчас, когда это все еще не прошло, мне безразличен повод, важно, что сам факт на лицо – я люблю его! Безумно люблю! И что мне делать со всем этим? Колоть себе мужские гормоны, чтобы они забили женские, чтобы вылезли усы как у Чапаева или Буденного? Не уверена, что мне будет от этого легче жить. Представила себя с усами и впервые за все последнее время расхохоталась. До слез. Ох, не к добру я смеюсь таким по-идиотски громким смехом, ох, не к добру...

Так продолжалось около двух недель. Кот по-прежнему внезапно появлялся и так же внезапно пропадал, оставляя меня наедине с тусклыми надеждами, пустой квартирой и дешевыми сигаретами. С ним мне было несказанно хорошо, без него – несказанно плохо. Такой душевный дуализм не лечился ни подругами, ни увлечениями, ничем. Мне безумно хотелось, чтобы он всегда был только со мной, хотелось того ощущение давно уже позабытого счастья, которое медленно и лениво вливалось в дом на его плечах...

И однажды я решила силой оставить его у себя – привыкнет, ему понравится.

Дождавшись, когда он снова появится у моей двери, я выпустила его, и все было как всегда. Только утром я закрыла на ключ дверь в комнату, в которой он, лежа на диване, нежился в лучах солнца, тихонько собралась и выскользнула на лестницу.

Я еле дождалась вечера.

Войдя в квартиру, я долго стояла перед дверью в комнату, в которой его заперла, и успокаивалась. Наконец, открыв дверь дрожащей рукой, заглянула внутрь – диван был пуст. Вошла в комнату, чтобы осмотреться, и тут услышала, как скрипнула входная дверь – забыла закрыть. И еще промелькнул силуэт... Его силуэт. Тут я села на диван и заплакала, понимая, что больше его никогда не увижу.

Так оно и случилось.

Опять наступили темно-серые дни одиночества. Я каждый раз засыпала с надеждой, что утром увижу кота рядом, но пробуждение снова возвращало меня в тоскливую реальность. Иногда мне снились необыкновенные сны, как тогда, с ним... Но все реже и реже, а потом перестали сниться совсем...

И вот, наконец, год, прекрасный и проклятый год моей встречи-расставания с Богданом подошел к концу.

В самый его последний день я утром поехала к своим на кладбище. Оно было пустым и сиротливым, как и моя душа.

Я стояла у могилы родителей, занесенной снегом, и тихо плакала, ощутив здесь, на пустынном кладбище, особо остро, что теперь я осталась на всем белом свете совсем одна...

Наплакавшись вдоволь, я пошла к выходу...

Уже у самых кладбищенских ворот из моего сердца вышли горькие, как и все вокруг, стихи...

Хорохоримся, нос задираем,
Что за понт? Все равно проиграем
На ристалище жизни и смерти,
А уж ангелы там или черти
Мы узнаем, как только подохнем,
Перед этим ослепнем, оглохнем
Пообвиснут и сиськи и члены,
Так что тише, друзья, меньше пены...

Всю дорогу в автобусе, увозящем меня к голоду, я плакала, уткнувшись носом в холодное и чуточку оттаявшее от моего дыхания окно...

А потом вдруг взяла и поехала туда, в те места, где мы гуляли тогда с Богданом.

Я надеялась хотя бы там уцепиться за какую-нибудь радость, за какой-нибудь смысл. Я даже нашла то самое кафе, где мы с ним сидели. И то самое место, где мы с ним расстались.

Почему, почему я не последовал совету мудрой Агаты Кристи... Сказала же она таким вот дурам, как я: «Никогда не возвращайтесь туда, где вы были счастливы, если хотите, чтобы все пережитое там оставалось живым в вашей памяти».

Это было сущей правдой, потому как после этого моего похода мне стало совсем невмоготу.

А тогда, в тот мой поход по метам трудовой и боевой славы, шел снег, медленно опускался, кружился в воздухе, покрывая землю белым пуховым одеялом. Снежинки тихо-тихо падали ко мне на плечи, на башку мою пустую, на глаза зареванные... на самое сердце...

Я шла, шла, а потом взяла и упала в глубокий сугроб.

«Ах, как хорошо лежать в снегу... – думала я, раскинув руки и глядя на серые облака, – надеюсь, что я все-таки не проживу долго, лежа на таком холоде. Но хотя и холодно, однако это все же хорошо, потому как лед у меня внутри, в сердце, еще студенее...»

Но потом мне вдруг стало жалко себя и захотелось все-таки проводить Старый год и встретить Новый: вдруг да и будет что-то в этом Новом году...

Поэтому я вылезла из сугроба и потащила к себе домой, в свою одинокую берлогу, где меня не ждал никто, даже кот...

Иду по городу, украшенному к празднику всякими новогодними вывесками и прочими штучками-дрючками и вдруг чувствую, что нестерпимо хочу живую елку! Именно живую, а не ту, искусственную, что у меня дома где-то валяется, хочу, чтобы пахло от нее по всему дому хвоей и чтобы водичку ей подливать и иголки осыпавшиеся потихоньку мести.

Но как назло продажи елок нигде не наблюдалось.

Тогда я решила на худой конец просто раздобыть где-нибудь елочную лапку. И тут вижу – вдалеке у светящейся витрины стоит женщина с большой сумкой и продает прохожим эти самые елочные лапки-ветки. Но пока я до нее дошла, она как раз продала последнюю.

Ну, почему, почему, все самое нужное кончается прямо предо мной! Нет бы все закончилось на мне, так нет же – все последнее забирает как раз тот, кто был последним перед моим носом. Ну, когда же, когда все сдвинется ровно на одного человека назад, то есть ко мне?!..

А потом подползли последние часы до наступления Нового года.

Я сидела дома в кресле и думала: все-таки в искусственной новогодней елке есть что-то общее с резиновой женщиной... а еще на ёлке горят поминальные свечи... мы уже не празднуем Новый год – мы празднуем, что выжили в старом.

А еще я подумала, что вот опять наступает год имени какой-то очередной скотины... а так хочется зажить по-человечески... и праздновать все эти народные праздники: католическое Рождество, Новый год, православное Рождество, старый Новый год, Новый год по восточному календарю... вон, за окном скоро все будут смеяться, что-то кричать и взрывать эти свои хлопушки, фейерверки и петарды... все, но только не я...

Настроение было совсем не праздничное, но я все-таки решила: пусть следующий год будет начат с чистой страницы, пусть будет такое ощущение, словно я заново родилась, а в голове появятся совершенно новые мысли...

Решив так, я собрала все старое барахло, какое сумела выгрести, и выбросила его на помойку.

Потом шла домой, вздрагивая по дороге от пока еще редких взрывов и бормоча: «Ах, чтоб вам!»

Дома я налила себе большой фужер водки вместо шампанского, выпила половину.

Сижу слегка хмельная и думаю: «Почему надо что-то праздновать? Почему нельзя просто спать, как в любую ночь? Почему надо слушать куранты в телевизоре? Почему надо бежать на улицу, смотреть в небо: а вдруг среди домов и деревьев опять что-то грохнет и вспыхнет? Почему нельзя жить один день... просто жить..? Кто придумал праздники...? Зачем?»

Потом включила телевизор. Но там была одна и та же попса по всем каналам. Глядела на все это однообразное телевизионное зрелище и думала: нет, нашу попсу нужно классифицировать как оружие массового поражения! Как же надоело сочетание голубого с серым! Такое впечатление, что те россияне, кто, увы, не умеют ни читать, ни писать – вынуждены зарабатывать на хлеб сочинением песен. Да и основной жизненный принцип нашей попсы чудо как хорош – если нечего сказать людям, то нужно им спеть. Вот у меня тоже нет голоса, может быть, мне тоже стать знаменитой певицей? Правда, чтобы стать ею, мало быть безголосой, надо еще иметь подходящий и весьма вертлявый зад, да титьки хотя бы третьего размера... эх, да где это все взять-то!

«Что-то я разворчалась, – подумала я. – Наверное, из-за того, что больше делать нечего. Спать невозможно – петарды за окном мешают, да и не с кем... вот и выливаю свой яд...»

Поэтому вскоре я телек выключила, допила оставшуюся в фужере водку, поклевала какой-то безвкусно снеди...

Ни одного звонка, ни одного поздравления. Да и от кого мне их ждать – обо мне все позабыли, даже если и знал кто о моем существовании.

Хотела расплакаться, а потом передумала. Стала уговаривать себя, что я лучше всех, что я самая правильная. И тут почувствовала, что эта моя правильность раздражает меня до чертиков. Что из того, что я никогда не напивалась до такого состояния, когда совершают поступки, о которых в последствии жалеют? Что хорошего в том, что, не смотря на свою безалаберность, я стараюсь никогда не опаздывать на встречи, никого не подвести ни в чем?

Легла на диван без кота, закрыла глаза и решила спать, невзирая на грохот взрывов петард за окном. Но заснуть, конечно же, не смогла.

Открыла глаза, а вокруг все та же комната. Все те же надоевшие обои, все та же старая мебель.

Да и что толку спать? Он не придет ко мне во сне, не прижмет меня к своему телу, не скажет, что я ему нужна. Такое может произойти только в моем воспаленном воображении.

И тут мне вдруг захотелось перестать быть тошнотворно правильной, перестать быть ходячей добродетелью.

И я напилась.

Первый раз в жизни.

В одиночку и до чертиков.

Напрочь разрушив миф о себе как о тургеневской барышне.

И не помню как провалилась в тяжкий сон...

Проснулась я ближе к вечеру следующего дня от неприятного ощущения во рту от того, что пыталась поцеловаться со своей подушкой...

Проснулась с одним-единственным высокоинтеллектуальным желанием: очень хочется пить после вчерашнего. Подняла себя невероятным усилием воли, попыталась найти это чертов включатель, но у меня ни хрена не получилось. Ладно. Стала шарить на ощупь: но под ногами пол закружился – чуть не грохнулась, но все-таки устояла на ногах и потащилась топтать земной шар в поисках воды. Кое-как все-таки добралась до кухни. Пока шла, думала: «Это так бухают мои шаги или что?»

Только поднесла стакан к губам, как меня чуть не стошнило прямо на месте – такой был противный вкус у воды. Подумала: «Нет, это точно не вода. Жидкость какая-то в кране, но только не вода. Разве такой вкус у воды бывает?»

И только выпила воду – все наружу. Еле до раковины добежала. Потом опустила обессиленная на пол и подумала, что все-таки лучше водку заедать манной кашей – она выходит легче, а еще лучше винегретом – он красивее... От этих мыслей стало смешно... Так и заснула там, на кухне, прямо на полу.

В общем, очень интеллектуально провела первый день очередного года...

На следующий день утром глаза разлепила, потащилась к кровати, бухнулась в нее и подивилась – какая вокруг тишина: ни собак, ни гудков машин, ни воплей забулдыг и всей этой веселой ночной молодежи. Прямо-таки кладбищенское мертвое беззвучие... Так было тихо, что мне казалось, что все звуки вместе с пылью просто осели на мебели и полу.

Но тишина не долго продолжалась – вскорости услышала, как соседи сверху ритмично стали скрипеть пружинами кровати и ритмично долбить по потолку. Счастливые, регулярной половой жизнью живут по утрам – бодрости набираются... – подумалось мне.

Но подумалось как-то вяло, без зависти...

День, наконец, наступил. Серое небо, серое существование, серое всё. Уткнулась в мокрую от слез подушку, не в силах забыть, что когда-то все было таким цветным... пусть не долго, пусть только миг, но было же...

И тут я услышала какой-то стук. Повернула голову в его направлении и увидела, что это голубь долбится клювом в оконное стекло. Но пальмовой ветви мира в клюве у него не было. Поэтому я ему не открыла. Да и сил подняться не было. Он, видимо с обиды, оставил на подоконнике фекальный новогодний подарок и улетел. Ну и чего прилетал, спрашивается? Что, не мог нагадить на голову какому-нибудь памятнику или прохожему?

Черви, что мною насытятся

Перелетят в распахнутые пасти вечно голодных птенцов,

Что подрастут и будут гадить на головы каких-то юнцов,

Скорее всего, это будут мои внуки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.